

**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№23. Сентябрь 2007 г.**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(международный имидж России
в XXI веке)**

Материалы международной
научно-практической конференции

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2007

ББК 66.3(2 Рос-4 Алт) я431+63.3(0)-6+66.4(2)+66.0

Д 541

УДК 32(571.150) (082)

Редакционная коллегия: доктор исторических наук, профессор Чернышов Ю.Г. (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент Бетмакаев А.М., Исакова С.Н. (отв. секретарь), кандидат экономических наук, доцент Кондратьева Н.Б., доктор философских наук, профессор Малинова О.Ю., доктор политических наук, профессор Сунгуров А.Ю., кандидат политических наук, доцент Тэвдой-Бурмули А.И., Уфимская Е.В.

Дневник Алтайской школы политических исследований.

Д 541 №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке) : материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2007. 384 с.

ISBN 978-5-7904-0729-1

Основное содержание двадцать третьего выпуска «Дневника АШПИ» составляют материалы международной научно-практической конференции, которая состоялась 27–28 сентября 2007 г. в Алтайском государственном университете. Помимо докладов и стенограммы их обсуждения, опубликованы тезисы, представленные в апреле-июне этого года на Интернет-конференцию учеными из Германии, Казахстана, Украины, а также из Москвы, Санкт-Петербурга и многих других городов России. Кроме этого, в приложении даны стенограммы двух «круглых столов», посвященных теме российско-грузинских отношений и проекту создания игровой зоны на Алтае.

Издание предназначено не только для специалистов (международников, политологов, регионоведов, историков, маркетологов и т.д.), но и для всех, кто интересуется темами формирования и продвижения имиджа страны и региона.

ISBN 978-5-7904-0729-1

© Алтайская школа политических исследований, 2007
© Издательство Алтайского университета. Оформление, 2007

Дискуссии об имидже России и Алтая (предисловие ответственного редактора)

В этом издании мы продолжаем традицию публикации научных и общественных дискуссий, проводимых Алтайской школой политических исследований (АШПИ). Основное место в 23-м выпуске «Дневника АШПИ» занимают материалы научно-практической конференции, посвященной теме международного имиджа России в XXI веке¹. В качестве приложения даны стенограммы «круглых столов», посвященных теме российско-грузинских отношений и проекту развития игровой зоны в Алтайском крае. Стенограммы приведены в сокращении, но с максимально возможным сохранением главного содержания высказываний и стиля авторов. Для того, чтобы читателям было легче ориентироваться в этих материалах, мы приводим здесь краткую информацию о каждой из этих трех дискуссий, так или иначе касавшихся темы имиджа страны и региона.

***

27–28 сентября в Алтайском государственном университете прошла традиционная (двенадцатая) ежегодная конференция Алтайской школы политических исследований «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Международный имидж России в XXI веке)».

Традицию проведения международных конференций Алтайская школа политических исследований поддерживает с 1996 г. В дискуссиях принимали участие ученые из Австрии, Азербайджана, Германии, Киргизии, Казахстана, США, Украины, Франции, Швеции, ЮАР и более чем 40 городов России. В течение последних четырех лет проводились предварительные обсуждения в Интернете². В этом году, продолжая традицию рассмотрения наиболее актуальных проблем, оргкомитет принял решение уделить основное внимание теме международного имиджа России. На обсуждение был вынесен комплекс вопросов, связанных с изучением проблем восприятия образа нашей страны за рубежом, формирования международного имиджа современной России и ее регионов (в частности, Алтайского края и Республики Алтай).

«Предварительная» **Интернет-конференция** проходила со 2 апреля по 30 июня. В ней приняли участие авторы из Владивостока, Владимира, Воронежа, Москвы, Петрозаводска, Томска, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Томска, а также из Германии, Казахстана и

---

¹ Проект осуществлен при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-03-03401г.

² См.: <http://ashpi.asu.ru/talks.html>.

Украины³. Среди них немало известных ученых: д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, вице-президент и председатель правления РАПН **О.Ю. Малинова**, доктор исторических наук, зав. сектором сравнительных этносоциологических исследований Института Африки РАН **В.Р. Филиппов**, доктор географических наук, заведующий лабораторией гео-мониторинга и прогнозирования эпидемических процессов НИИ геодезии и картографии Украины **Д.Н. Николаенко** и др. Стоит отметить, что эта конференция вызвала интерес не только ученых, но и сотрудников телеканала «Russia Today»: развернулась дискуссия о том, насколько эффективно проводится государством политика по улучшению имиджа России за рубежом. Доклады обсуждались на специально созданном в Интернете сообществе «Международный имидж России»⁴. Использовался также и сайт «АГОРА»⁵.

Научно-практическая конференция по данной тематике проходила с 27 по 30 сентября на Алтае. В числе ее организаторов были Администрация Алтайского края, Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Алтайское отделение Российской ассоциации политической науки, Конгресс интеллигенции Алтайского края и Российский гуманитарный научный фонд.

В Барнаул приехали ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Ростова-на-Дону и Томска. В течение двух дней в конференции приняли участие около 70 человек. Каждый из 18-ти докладов сопровождался активной дискуссией, в которой приняли участие не только ученые, но и политики, общественные деятели, журналисты. Обсуждались сложившиеся традиции восприятия России, современный имидж страны, проблемы формирования регионального имиджа.

На открытии конференции с приветствием к участникам обратились ректор АлтГУ профессор **Ю.Ф. Кирюшин**, декан ИФ АлтГУ профессор **В.Н. Владимиров**, заведующий кафедрой прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала Высшей школы экономики и президент гуманитарно-политологического центра «Стратегия» **А.Ю. Сунгуров**. Они отметили несомненно весомый вклад, вносимый АШПИ при проведении в течение уже 12-ти лет научно-практических конференций. Председатель оргкомитета профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений АлтГУ, директор АШПИ, председатель Алтайского отделения РАПН **Ю.Г. Чернышов**

---

³ См.: <http://ashpi.asu.ru/image.html>.

⁴ См.: http://community.livejournal.com/image_of_russia.

⁵ См.: http://agora.guru.ru/display.php?conf=Image_of_Russia-2007.

обозначил тематику, цели и задачи конференции, представил гостей из других городов страны.

В течение двух дней работали 3 секции:

1. Основные тенденции в истории формирования и эволюции имиджа России в странах Запада и Востока.

2. Факторы, влияющие на формирование и восприятие образа России в современном мире.

3. Роль регионов (в частности, Алтайского края и Республики Алтай) в формировании международного имиджа России.

По тематике **первой секции** выступили: **О.Ю. Малинова** («Зеркальный лабиринт: «долгий дискурс» российского западничества / антизападничества и проблемы формирования национальной идентичности»), доцент кафедры архивоведения и исторической информатики АлтГУ **Н.И. Кругова** («Россия в глазах образованных немцев (конец XVIII – начало XIX вв.)»), доцент кафедры ВИМО АлтГУ **В.Н. Козулин** («Либеральный взгляд на Америку в России начала XX в.»), доцент кафедры истории и музеологии Барнаульского государственного педагогического университета **И.А. Еремин** («Из истории формирования положительного имиджа России среди размещенных в Западной Сибири австро-венгерских военнопленных славянского происхождения в период Первой мировой войны»), студент исторического факультета АлтГУ **М.С. Золотарев** («Образ России в США в период с 1985 по 1993 гг.») и **А.Ю. Сунгуров** («Конфликт в Чечне и имидж России»). Наиболее оживленные дискуссии вызвал доклад **О.Ю. Малиновой**, во многом определивший основные подходы к обсуждаемой теме.

Во **второй секции** основное внимание было уделено уже не истории, а современным тенденциям в формировании образа России. Прозвучали доклады: «Имидж России в Казахстане: позитивные и негативные аспекты» (**С.В. Голунов**, доцент кафедры регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета), «Проблемы формирования имиджа России в государствах Балтии (на примере латышской общины Латвии)» (**А.И. Тэвдой-Бурмули**, доцент кафедры европейской интеграции МГИМО (У) МИД РФ), «Образ России и русскоговорящих в немецкой прессе: проблема негативного восприятия» (**Е.В. Уфимская**, стажер Технического университета г. Кемнитц, Германия), «Современная Россия глазами иностранцев» (**К.В. Фадеев**, доцент кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета), «Роль системного реваншизма в формировании международного имиджа России» (**С.А. Шпагин**, старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Южного федерального университета), «Россия: «отличия» и «общее» в современном

мире» (**Г.В. Кагирова**, профессор кафедры политологии АлтГУ). Пожалуй, наибольший интерес на этой секции вызвала проблема тех критериев, по которым оценивают положительные и отрицательные черты имиджа России.

В **третьей секции** отдельным блоком шли доклады, посвященные Алтайскому краю. О влиянии имиджа Алтайского края на развитие миграционных процессов рассказала доцент АлтГУ **Е.В. Тарасова**. Яркую и наглядную презентацию работ по созданию на территории туристско-рекреационной зоны «Бирюзовая Катунь» археологического парка «Перекресток миров» провел научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, доцент АлтГУ **К.Ю. Кирюшин**. О том, какая имиджевая политика нужна Алтайскому краю, высказали экспертные оценки редактор сайта «ПолитСибРу» **Д.Н. Негреев** и редактор информационного агентства «Банкфакс» **В.В. Савинков**.

По завершении конференции организаторы предоставили гостям возможность подробнее ознакомиться с проектом особой экономической зоны «Бирюзовая Катунь» и с археологическим парком «Перекресток миров». На проведенном 30 сентября «**круглом столе**» были высказаны, в частности, следующие мнения о влиянии этих проектов на региональный имидж.

О.Ю. Малинова: «На Алтае удивительно красивая природа, богатая история разных народов, и проект может стать очень привлекательным. Однако нужно четче выделять приоритеты, целевые группы среди потенциальных туристов». **А.И. Тэвдой-Бурмули:** «Проект может успешно развиваться через сотрудничество власти, бизнеса и науки. Ему вряд ли удастся пока конкурировать с европейскими или турецкими курортами по уровню сервиса, но он мог бы стать весьма популярным среди жителей сибирского региона». **А.Ю. Сунгуров:** «Отдыхающих будет привлекать теплое озеро, однако среди базовых потребностей туристов есть еще «культурная программа», в частности, посещение красивых и исторически значимых мест. Для удовлетворения такой потребности хорошо подходит археологический парк «Перекресток миров». Этот проект может быть использован и в историко-патриотическом воспитании молодежи, в пропаганде уважения к культуре разных народов». **Н.Б. Кондратьева:** «Очень многое уже сделано, и сделано в правильном направлении. Нужно еще больше акцентировать местный колорит: дикая природа, национальная кухня, этнографические мотивы и т.д. Что отталкивает современного туриста? Дорогие авиабилеты, узкие и некачественные автодороги, замусоренность, очень плохие туалеты. Для успешного развития туризма было бы полезно попытаться вписать посещение Алтая в другие туристические маршруты по России». **С.В. Голунов:** «Если говорить о туристах-«романтиках», то их в большей степени бу-

дет притягивать Республика Алтай. «Бирюзовая Катунь» скорее предназначена для тех, кто любит удобный отдых. Надо им дать его в разнообразных формах, и надо активнее рекламировать этот проект среди жителей других регионов, а также соседних стран – Монголии, Китая, Казахстана». Сходные мнения высказали **С.А. Шпагин** и **К.В. Фадеев**.

Подводя итоги «круглого стола», директор АШПИ **Ю.Г. Чернышов** поблагодарил экспертов и отметил, что этот амбициозный проект вполне может стать «изюминкой», одним из наиболее привлекательных брендов Алтайского края. Однако, как показывает пример археологического парка «Перекресток миров», в целом дела развивались бы более успешно, если бы власть активнее сотрудничала с научными и общественными структурами, давала дорогу полезным инициативам, уходила бы от стиля кулуарности и закрытости. В выигрыше от этого был бы имидж всего региона.

Участники конференции приняли решение, что следующая научно-практическая конференция АШПИ в сентябре 2008 г. будет целиком посвящена теме продвижения имиджа региона.

***

Конференции предшествовали два «круглых стола», также связанных с темой имиджа страны и региона.

27 октября 2006 г. в АлтГУ прошла молодежная дискуссия на тему **«Российско-грузинские отношения: причины кризиса и пути его преодоления»**. Организовало ее молодежное отделение Алтайской школы политических исследований «Международник» при поддержке Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки.

Можно отметить неподдельный интерес студентов к этой теме и продемонстрированное ими умение логически рассуждать и опираться на факты. Студенты, разбившись на 4 команды, собирали материалы, готовили компьютерные презентации. Перед началом дискуссии участникам (а их было более 30 человек) представили позиции сторон: правительств России и Грузии, а также мнения общественности двух стран.

Ведущие – студенты **Елена Коваленко** и **Илья Классен** – смогли поддержать высокий уровень дискуссии на протяжении всего вечера. Мнения высказывались разные; выступали не только студенты, но и эксперты: сотрудник администрации края **Е.Н. Степанова**, руководитель краевого отделения партии «Яблоко» **А.И. Гончаренко**, один из представителей грузинской диаспоры на Алтае **Д.Т. Абесадзе** и другие.

Для более полного выявления всего спектра мнений было проведено анкетирование. Ответы на вопросы распределились так (в процентах от числа ответивших):

Считаете ли Вы, что вина за ухудшение отношений лежит на обеих сторонах конфликта, или на одной из них?

Вина лежит на обеих сторонах конфликта – 37;

Вина лежит преимущественно на грузинской стороне – 27;

Вина лежит преимущественно на российской стороне – 32;

Не знаю – 4.

Считаете ли Вы, что все действия российской власти в отношении граждан Грузии были оправданы?

Оправданы все действия – 14;

Оправданы некоторые действия – 50;

Действия не были оправданы – 36.

Одна из целей дискуссия заключалась в том, чтобы попытаться найти пути урегулирования конфликта. При подведении итогов дискуссии профессор **Ю.Г. Чернышов** отметил, что, пожалуй, общим мнением собравшихся было следующее: конфликт должен быть разрешен исключительно мирными средствами. Нам не нужна война, и нам не нужны чужие территории. России и Грузии следует твердо придерживаться принципа территориальной целостности, и не оказывать поддержку сепаратистским движениям, которые есть в обеих странах (в Чечне, Абхазии, Южной Осетии и др.).

Что же касается мер, предпринятых в последнее время российскими властями в адрес «лиц грузинской национальности», то некоторые из этих мер явно вышли за рамки закона и здравого смысла. Политики иногда слишком «заигрываются» в своем противостоянии, а жертвами этого становятся тысячи ни в чем не виновных граждан. Поэтому необходимо развивать «народную дипломатию», необходимо, чтобы общественное мнение в обеих странах было способно вовремя корректировать действия чиновников.

В целом дискуссия получила высокую оценку участников. В анкетах были написаны следующие отзывы: «Дискуссия произвела очень неплохое впечатление, т.к. налицо ее хорошая организация; кроме того, имеет место отличная подготовленность и осведомленность студентов. Также радует то, что затронуты очень серьезные проблемы»; «Хотелось бы поблагодарить организаторов дискуссии за ее проведение. Она была посвящена очень актуальному вопросу и вызвала особый интерес»; «Организация мероприятия – на должном уровне. Дискуссия удалась. Побольше бы мероприятий такого плана! Молодцы!»; «Все замечательно, спасибо»; «Обсуждаемая проблема на самом деле очень актуальна, все вопросы очень интересны. Хороший повод задуматься и обоснованно представить свою собственную позицию».

***

8 февраля 2007 г. в АлтГУ прошел круглый стол **«Игровая зона и международный имидж Алтая»**. Его организаторами стали Алтайское отделение Российской ассоциации политической науки и Алтайская школа политических исследований. В дискуссии приняли участие ученые, представители игорного бизнеса и туристических фирм, общественные и политические деятели, журналисты. Присутствовало более 60 человек, прозвучало 14 выступлений.

Председатель оргкомитета профессор АлтГУ **Ю.Г. Чернышов** обозначил вынесенные на обсуждение вопросы: насколько соответствует проект создания игровой зоны сложившемуся имиджу и менталитету населения Алтая, какие «плюсы» и «минусы» для развития региона может принести «Алтайский Лас-Вегас», как обеспечить общественный контроль и что необходимо сделать, чтобы минимизировать ущерб от этого проекта.

Доцент АлтГУ **А.М. Бетмакаев** ознакомил присутствовавших с международным опытом в данной сфере. Была представлена фотопрезентация основных игорных зон мира – Монте-Карло, Лас-Вегаса, Атлантик-Сити, Макао, показана схема расположения планируемой игровой зоны в Смоленском районе Алтайского края.

О создании Объединения организаторов игорного бизнеса рассказал президент этой ассоциации **А.А. Прокошин**. В состав этого объединения вошли представители игорного бизнеса Алтая, а также Новосибирска и Москвы. По их прогнозам, в границах зоны может возникнуть город, равный по населению Бийску. Для строительных работ будет привлечено до 20 тыс. человек, а это даст импульс развитию строительной индустрии края.

Оптимистичный прогноз был высказан и руководителем агентства недвижимости «Дом» **Г. Малковым**. Ссылаясь на изученный им опыт Лас-Вегаса, он отметил, что необходимо сочетать игровой бизнес с организацией отдыха для людей со средним достатком. Кроме того, необходимо работать над имиджем региона, чтобы привлечь туристов какой-то «изюминкой».

Президент Алтайской региональной ассоциации туризма **Е. Шушакова** согласилась, что игровая зона отрывает новые возможности, однако высокая стоимость авиабилетов резко сокращает круг потребителей. К тому же развитие туризма сдерживается очень низким уровнем сервиса, недостатком квалифицированных местных кадров. Может получиться, что зона будет существовать в основном для немногочисленных богатых приезжих.

Доцент географического факультета АлтГУ **А.Г. Редькин** отметил, что управленческое решение принято правильное, но оно пока не обеспечено кадрами. Необходима, в частности, целевая подготовка

специалистов в области социально-культурного сервиса и туризма. К этому следует добавить, что весьма вероятно посещение зоны иностранными туристами, и это нужно учитывать при подготовке студентов-международников.

Редактор Интернет-сайта ПолитСибРу **Д.В. Негреев** акцентировал внимание на том, что низкий уровень жизни местных жителей может привести к их конфликтам с клиентами игровой зоны (печальный опыт подобных конфликтов уже имеется – был упомянут случай с убийством семьи омского журналиста в Республике Алтай).

Многие участники «круглого стола» подчеркивали, что игровой бизнес влечет за собой массу негативных явлений – укрытие доходов, криминализация обстановки, распространение игромании, наркомании, проституции и т.д. Игровая зона может стать тем «ящиком Пандоры», который принесет жителям края больше минусов, чем плюсов.

Настораживает и тот факт, что ни один из приглашенных на «круглый стол» представителей власти не принял участия в дискуссии. Проект осуществляется во многом кулуарно, без проведения общественной экспертизы. На это указывали многие выступавшие – **Г.П. Шейда** (Российский общественно-политический центр), **В.В. Савинков** (информационное агентство «Банкфакс»), **С.В. Андреев** (фонд «Открытый Алтай»), **А.И. Гончаренко** (региональное отделение партии «Яблоко»), доцент АлтГУ **А.В. Кротов**, доцент АГТУ **О.В. Олейник** и др.

Именно по теме необходимости общественного контроля совпали мнения всех участников дискуссии. Подводя итоги «круглого стола», **Ю.Г. Чернышов** выступил с предложением создать **Общественный совет по контролю за реализацией проектов, связанных с туристско-рекреационной и игровой зонами**. Слишком серьезные последствия для населения региона имеют эти проекты, чтобы осуществлять их кулуарно, без прозрачности, без участия общества. Это предложение было единогласно поддержано всеми собравшимися.

Пожалуй, главный итог прошедших дискуссий сводится к выводу о том, что разработка и продвижение имиджа страны и региона не является делом только административных органов и политиков. Настоящая имиджевая политика должна основываться на ее понимании и поддержке со стороны граждан. В противном случае резко возрастает вероятность малоэффективных или даже ошибочных действий, создания симулякров, не приносящих обществу никакой реальной пользы.

Вопрос о том, как можно было бы эффективнее наладить в этой сфере сотрудничество между обществом и властью, будет одной из тем, которую намечено обсудить на следующей конференции АШПИ в сентябре 2008 г.

Ю.Г. Чернышов, ноябрь 2007 г.

**Международная
научно-практическая конференция
«СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ
(международный имидж России в XXI веке),
27–28 сентября 2007 г.**

Секция 1. Основные тенденции в истории формирования и эволюции имиджа России в странах Запада и Востока

А.М. Бетмакаев

Враг, оккупант, друг. Советский Союз в представлениях восточных немцев в 1945–1953 гг.

В современной истории трудно найти такой пример превращения «образа врага» в «образ друга», который наблюдался в изменении представлений восточных немцев в отношении СССР после Второй мировой войны. Наступление Красной Армии в начале 1945 г. и волна слухов о поведении советских оккупантов привели к паническому бегству миллионов людей на запад Германии. Немцы на востоке Германии в последние месяцы войны оказались жертвами мести советских военнослужащих. Со стороны советских солдат совершались грабежи, поджоги, убийства и изнасилования. Конечно, страх перед СССР был связан также с тем, что нацистская пропаганда создала из Советского Союза «образ врага» не только немецкой нации, но и всей европейской цивилизации. Однако к моменту смерти И. Сталина в марте 1953 г. в официальной пропаганде Германской Демократической Республики утвердился новый образ СССР – «друга немецкого народа». В нашем исследовании мы попытаемся определить основные факторы, динамику и значение отмеченного превращения.

По воспоминаниям немцев, наиболее жестокой представлялась советская оккупация. Весной 1945 г. на территории Восточной Германии оказалось два миллиона советских солдат. Население, запуганное волной насилия и мародерства в первые дни оккупации, не испытывало к ним никаких чувств, кроме панического страха. Красная Армия изымала все продовольственные ресурсы на оккупированной территории, направив на функционирование карточной системы распределения лишь незначительную часть продовольствия. Спасение и сохранение культурных ценностей сопровождалось их тайным вывозом в СССР. Самой популярной единицей измерения отправляемых из Германии в качестве трофеев библиотек оставался «вагон». Только за 1945 г. советские власти отправили в СССР более 400 000 железнодорожных вагонов с демонтированным оборудованием и трофейными предметами быта и искусства [1].

Оккупационная власть в лице Советской военной администрации в Германии (СВАГ) значительное внимание уделяла пропагандистской работе среди немцев. Мнения восточных немцев с самого начала заинтересовали советские оккупационные власти. В августе 1945 г. было

создано управление пропаганды под руководством С.И. Тюльпанова для сбора информации о настроениях восточных немцев. С апреля 1946 г. оно стало привлекать немецкие гражданские администрации к предоставлению подобной информации. В землях создавались отделы, которые получали отчеты представителей политических партий, массовых организаций, местных властей и органов безопасности. После обработки эти отчеты отправлялись в центральное бюро и в «управление Тюльпанова». Политработники управления руководствовались приказом верховного главнокомандующего И.В. Сталина от 23 февраля 1943 г., где говорилось, что «было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается» [2].

Советская оккупационная власть сделала ставку на немецких политиков, убежденных в преимуществе сталинской общественной модели и способных утвердить ее в зоне оккупации. Из Москвы в Восточную Германию были переброшены две группы функционеров германской компартии (КПГ), которые возглавили гражданскую администрацию в освобожденных районах. КПГ при поддержке советских военных властей начала проводить политику «ассимиляции» социал-демократов, объединившись с ними в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ) в апреле 1946 г.

Среди населения была развернута широкомасштабная пропаганда советских достижений, создававшая у восточных немцев образ страны-победителя, у которой есть чему поучиться. Как отмечает известный историк А. Ватлин, в первые послевоенные годы у населения Восточной Германии преобладали позитивные настроения по отношению к тандему СВАГ–СЕПГ, после военных лишений люди почувствовали явное облегчение и демонстрировали осторожную готовность к сотрудничеству с новой властью [3].

Начало Холодной войны ознаменовалось усилением советского влияния на политический процесс и на общественные настроения в Восточной Германии. В ходе личных бесед руководителей СЕПГ со Сталиным в Москве восточногерманские коммунисты получали инструкции, которые подкреплялись советской экономической помощью. Для руководства СЕПГ Сталин был не только источником власти, но и гарантом политического господства СЕПГ на востоке Германии.

СЕПГ превращалась в «партию нового типа», взяв за образец ВКП(б). С 1947–1948 гг. дружба с Советским Союзом была основным курсом СЕПГ. Сталин был назван «лучшим другом немецкого народа». Празднование 70-летия генералиссимуса в течение 1949 г. привело к

тому, что образ Сталина оттеснил на второй план образ СССР в официальной пропаганде. «Образ вождя» использовался политической элитой Восточной Германии для укрепления восточногерманской государственности – Германской Демократической Республики (ГДР), утверждения культа партии и для оправдания борьбы с оппозицией. С образом Сталина власть предлагала возможность разрешения актуальных политических, экономических, морально-ценностных проблем нового немецкого государства.

Официально пропагандируемому образу советского лидера пришлось конкурировать с образом Гитлера, который для значительной части населения оставался символом национальной независимости и государственного самоопределения. Более 50 процентов опрошенных немцев считали Гитлера великим государственным деятелем [4].

Исследователь восточногерманской политической культуры А. Тихомиров обращает внимание на то, что для адаптации советского мифа о «вожде» к восточногерманским реалиям был использован дискурс благодарности за освобождение от национал-социалистической угрозы, эволюционировавший впоследствии в нарратив исторически прочной германо-советской дружбы и даже общегосударственной любви восточных немцев к советскому руководителю. Формула «лучший друг немецкого народа» апеллировала к национальной риторике, взывая к патриотическим чувствам немцев и постоянно подпитывая коллективные ожидания возрождения единого германского государства и великой немецкой нации [5].

Альберт Норден, руководитель Национального совета Национального фронта, который объединял под руководством СЕПГ все политические партии и массовые общественные организации ГДР, опубликовал в 1953 г. книгу «Знамя 1813 года». Он писал, что нужно чтить солдат, которые спасали Германию, потому что они верили в свой народ и боролись в союзе с Россией [6]. Отныне в немецкой истории существовала нисходящая линия от Фридриха Великого и Бисмарка до Гитлера – линия, которая могла существовать постольку, поскольку «реакционные» силы одерживали вверх над «прогрессивными» силами. Немецко-русская борьба против Наполеона была одной из великих традиций немецкого народа, идущего путем прогресса, и, в свете этого, борьба против западной интеграции ФРГ была борьбой за сохранение «прогрессивных» национальных традиций. К положительным героям немецкой истории относились прогрессивные силы – рабочий класс во главе с Марксом и Энгельсом, революционным авангардом которого являлась компартия Германии. К изображениям Маркса и Энгельса, как и в СССР, добавлялись изо-

бражения Ленина и Сталина. Имена четырех вождей использовались для переименования предприятий, улиц и городов. Центральной улицей Восточного Берлина стала аллея Сталина.

Интерпретация немецкой истории в духе идеологических установок СЕПГ стала определяющей линией для обществоведов ГДР и сыграла заметную роль в обосновании исторических корней восточногерманской идентичности. В официальной пропаганде Советский Союз как «друг немцев» противопоставлялся «врагу» – американскому империализму. США (и Запад в целом) были объявлены инициаторами раскола Германии. В Западной Германии была похожая «формула идентичности», в которой врагом выступал Советский Союз.

Эффективность пропаганды СЕПГ в распространении среди восточных немцев представлений о Сталине как «лучшем друге немецкого народа», по нашему мнению, оказалась низкой. Выступления рабочих в июне 1953 г. начались на аллее Сталина в Берлине. Во время волнений во многих городах ГДР были повреждены портреты Сталина и бюсты Сталина. Стабильность в Восточной Германии была восстановлена только усилиями оккупационных властей. «Образ СССР» в представлениях восточных немцев получил новые черты.

Литература

Кнышевский П.Н. Добыча. Тайны германских репараций. М., 1994. С. 20–21.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1944. С. 50–51.

Ватлин А.В. Германия в XX в. М., 2002. С. 168.

Kleßmann Ch. Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945–1955. Göttingen, 1991. S. 61.

Тихомиров А. Экспорт культа Сталина в Восточную Германию с 1945 по 1956 гг. // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы. М., 2007. С. 83–96.

Norden A. Das Banner von 1813. В., 1953.

В.Ю. Грушина

Образ России в общественном мнении Великобритании в период Первой мировой войны

Восприятие России европейскими государствами в XX в. неоднократно изменялось под воздействием множества факторов и, в том числе, зависело от заинтересованности в ее военной поддержке. В начале Первой мировой войны характер отношений между странами Антанты изменился в результате оформления между ними военного союза. Формирование образа союзника в общественном мнении являлось важным направлением правительственной политики в этот период.

Большую важность успешного для союзников исхода войны имела позиция России, в лояльности которой у Британии и Франции периодически возникали сомнения. Однако, для британского правительства важное значение имел настрой не только в России, но и в своей стране, положительное восприятие восточного союзника. Наиболее четкую структуру и четко сформулированные задачи работы имела британская пропаганда.

В отечественной историографии проблема формирования «образа союзника» в период Первой мировой войны не достаточно разработана. В освещении данной проблемы в отечественной историографии преобладали догматические оценки существования самой системы пропаганды, работавшей как в России, так и в союзнических странах, задач и итогов ее работы. Поэтому своей основной задачей мы считаем анализ механизма формирования образа России в общественном мнении Британии и определение результатов работы в этом направлении. Для этого предполагается рассмотреть структуру британского аппарата пропаганды как важнейшего инструмента по формированию имиджа союзника.

С августа 1914 г. началось создание системы пропаганды, направленной на формирование «образа союзника» в общественном мнении Великобритании и России. Для контроля над распространяемой информацией в стране и за рубежом в обеих государствах были созданы бюро новостей при МИДе. 5 сентября 1914 г. британский военный кабинет признал существование необходимости организации, которая координировала бы пропаганду в Британии, союзных и нейтральных странах и боролась бы с распространением дезинформации. Этим органом стало Бюро пропаганды под председательством главы национальной страховой комиссии К. Мастермана [1].

Для получения информации при посредничестве бюро пропаганды и МИД в Британию направлялись русские журналисты, а в Россию британские, некоторые из которых получили доступ в действующую армию. С осени 1914 г. русская публика получила широкий доступ к английской прессе. На формирование положительного восприятия союзника влияли работы британских и русских публицистов и ученых.

В России и Британии были созданы организации, которые поддерживались правительством и имели полуофициальный характер. Это «Общество друзей России», открытие которого произошло 11–12 марта 1915 г. в официальных апартаментах спикера палаты общин. В России были созданы «Общество британского флага», «Общество англо-русской дружбы». В Великобритании были созданы аналогичные общества. При поддержке официальных властей и на базе клубов прово-

дились лекции с целью более близкого знакомства с культурой и историей союзников.

Участие России в войне в союзе с Британией потребовало ломки устоявшегося стереотипа восприятия ее английским обществом. На протяжении XIX в. она являлась соперницей Британии. В общественное сознание в этот период внедрялся тезис об угрозе для Индии «русской экспансии». В результате целенаправленной антирусской кампании британской прессы в стране сложилось негативное отношение к царскому режиму, которое трансформировалось в целом в неприятие России. В массовом сознании английского общества она представлялась как оплот тирании и азиатского варварства и противопоставлялась Европе, как оплоту Демократии, Прогресса и Цивилизации. Созданию такого образа России способствовал сам царский режим.

В ноябре 1914 г. Бернард Шоу опубликовал памфлет «Здравый смысл о войне» [2]. В нем он утверждал, что Англии помогать России и Японии в борьбе с Германией столь же самоубийственно, как Канаде помогать индейцам апачам в борьбе против США. Шоу видел разницу между русским народом и авторитарным политическим строем империи. Чтобы стать действительно цивилизованной страной, Россия должна измениться. Поэтому общий вывод памфлета Шоу свелся к следующему: «Победа, недостижимая без русской помощи, была бы поражением западноевропейского либерализма: наш союзник сегодня, завтра может стать врагом. Если мы не можем без помощи России победить Потсдам, то нам следует просто «отдать» Германии лучшее и рассчитывать на союз с Америкой ради нашего места под солнцем» [3].

Шоу не был одинок в своей критике официального курса на союз с Россией. Против правительственной политики выступала группа радикалов из Кембриджа – Э.Д. Морел, Ч. Тревильян, А. Понсонби, к этой группе примыкал и Б. Рассел [4]. Радикалы и пацифисты были против союза с царизмом, они объединились в «Союз демократического контроля», проводивший митинги, выпускавший листовки и памфлеты, которые осуждали альянс с Россией и всю политику Антанты.

В британской прессе сразу после начала войны стала разворачиваться масштабная прорусская пропаганда. К делу искоренения вредных стереотипов общественного сознания были привлечены лучшие британские ученые-россиеведы [5]. Издательский комитет «Виктория-Лиги» предложил самому знаменитому специалисту сэру Дональду Макензи Уоллесу сказать веское слово патриарха. Он откликнулся серией статей «Наш русский союзник», которая была издана в виде брошюры для массового читателя. Профессор Эдинбургского университета Чарльз Сароли, также с целью борь-

бы с русофобскими настроениями англичан, опубликовал книгу «Долг Европы России» [6].

По тематике и направленности с этими работами перекликалась книга Д.У. Макейла «Дар России миру». По оценке русского корреспондента в Британии Шкловского, который работал под псевдонимом Дионео, книга имела «полуофициальный характер». В составлении этой книги принимали участие ученые, изучавшие Россию, такие, как профессор Томсон, Уайтхед, Старлинг. Поэтому цель книги состояла в том, чтобы «дать широкой английской публике, в том числе и рабочим, самое общее представление о русской литературе, искусстве, музыке, науке. Выявить индивидуальность русского народа и установить, таким образом, дружбу между ним и английским народом» [7]. Профессор Бернард Пэйрс выступил с серией фронтовых репортажей, которые далее были собраны и опубликованы отдельной книгой «День за днем с русской армией».

Самым активным участником прорусской кампании был корреспондент «Таймс» Стивен Грэхем. В начале 1915 г. была издана его книга «Россия и мир» [8]. За его работами внимательно следила британская пресса, в которой регулярно появлялись рецензии на сочинения о России. За годы войны Грэхемом было опубликовано четыре книги.

Наибольший вес в глазах англичан, включая правительство, имел фактор русской военной мощи. Широко в прессе эксплуатировался тезис о русском паровом катке, который, развив стремительное наступление, способен смять немецкие армии и добиться победы в кратчайшие сроки. Характерной чертой прорусской пропаганды стало неимоверное преувеличение ее военной мощи и большое внимание к русской армии. Источник силы армии усматривался Грэхемом в мистическом «русском духе» [9].

При поддержке правительства в Британии создавались общества дружбы, задача которых состояла в распространении среди англичан знаний о России. В конце февраля 1915 г. в Лондоне состоялось открытие «Общества друзей России» [10]. На базе Англо-русского общества в Лондоне и при поддержке официальных властей в Британии были организованы лекции о России. В 1915 г. в Королевском колледже была организована серия лекций «Дух союзников» [11].

28 апреля 1915 г. в Лондоне состоялся День русского флага. Его целью было «подчеркнуть перед населением Англии значение побед доблестной русской армии и значение ее побед в общей борьбе союзников». В течение 1915 г. дни флага проводились три раза. В ходе мероприятий, организованных Русским обществом и Англо-русским ли-

тературным обществом, были прочитаны лекции и проведен сбор средств в помощь раненым. Общебританская акция сбора пожертвований для русских раненых была проведена 25 мая 1915 г. одним из обществ. Акция была поддержана лордом Розбери, который в приветственном послании писал, что «мы все должны стремиться служить России и чествовать ее за то, что она со славою держит фронт в одну тысячу миль» [12].

Итак, во время Первой мировой войны в Великобритании был создан аппарат пропаганды, имевший многоуровневую структуру. Его активность демонстрирует большую заинтересованность в восточном союзнике. Цель британских обществ состояла в просвещении, знакомстве общества с культурой и историей союзника. Это, по мнению учредителей, должно было сформировать положительный образ России. Именно эта задача являлась наиболее актуальной для Британии. Но, несмотря на усилия прессы, так и не удалось создать благоприятного, привлекательного имиджа восточного союзника в глазах британского общества. Причиной этого, по нашему мнению, является инерция общественного мнения, которое привыкло воспринимать Россию как врага. Период союзнических отношений был слишком короткий, чтобы изменить стереотип.

Литература

1. Sanders M.L. Wellington House and British Propaganda during the First World War // *The Historical Journal*. 1975. Vol. 18. №1. P.119.
2. Цит. по: Graham S. *Russia and the World*. L., 1915. P. 185–187.
3. Ibid.
4. Зашихин А. Н. Лев+Медведь. За кого сражались англичане, когда сражались за русского царя? // *Родина*. 1998. №8–9. С. 125.
5. Там же. С. 125.
6. АВПРИ. Отдел печати и осведомления. Ф. 140. Оп. 477. Д. 234. Standard. 1916 г. 19 января.
7. Русские ведомости. 1915 г. 3 января.
8. Graham S. *Op. cit.*
9. Цит. по: Земщина. 1914 г. 30 августа.
10. Алексеева И.В. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. Л., 1990. С. 127–128.
11. АВПРИ. Архив «Война». Оп. 473. Д. 23.
12. Утро России. 1915 г. 29 апреля, 26 мая.

И.А. Еремин

**Из истории формирования положительного имиджа России
среди размещенных в Западной Сибири австро-венгерских
военнопленных славянского происхождения
в период Первой мировой войны**

Первая мировая война привела к появлению в России многих сотен тысяч военнопленных славянского происхождения. Правящие круги страны постарались привлечь их политические симпатии на свою сторону, формируя среди них положительный имидж России⁶.

В годы Первой мировой войны на территории России было размещено порядка 2 млн. военнопленных стран Четверного союза. Две трети из этого числа приходилось на бывших военнослужащих австро-венгерской армии. Численность военнопленных, расквартированных в Западной Сибири, составляла около 200 тыс. чел.

С самого начала войны российские власти провели негласное деление всех военнопленных на две категории. В первую входили немцы, венгры и турки, которых считали представителями «враждебных народностей», главными проводниками агрессивной политики своих правительств. Отношение к ним было настороженным. Во вторую входили представители славянских народов, населявших Австро-Венгрию. Они воспринимались как «дружественный элемент». К ним было доброжелательное отношение, просматривалось стремление заручиться их политической симпатией.

Даже место пребывания свидетельствовало о том, к каким категориям военнопленных были более лояльны русские власти. До начала 1915 г. военнопленные немцы, венгры и турки, предназначенные для размещения за Уралом, направлялись в более суровую по климатическим условиям Восточную Сибирь. Военнопленные славянского происхождения, как правило, с самого начала оставались на территории Западной Сибири. Для них были созданы нормальные бытовые условия, что констатировали международные инспекторы, посетившие места размещения военнопленных в регионе.

Правительство России всячески поощряло создание общественных организаций, которые вели идейно-политическую работу в нужном для властей направлении среди военнопленных-славян. Власти делали упор на пропаганду идей общеславянского единства под эгидой Рос-

---

⁶ В докладе использованы материалы следующих архивов: Российский государственный архив (РГИА), Государственный архив Омской области (ГАОО), Государственный архив Томской области (ГАТО).

сии. В рамках этого курса министр внутренних дел Н. Маклаков утвердил в октябре 1914 г. «Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах». Главная цель этой организации заключалась в том, чтобы «покоренных мечем славян завоевать духовно», превратить их «в убежденных сторонников и проповедников общеславянского единства». Для этого предполагалось, среди прочего, вести «культурно-просветительские занятия с военнопленными в интересах русского государства», организовать их обучение русскому языку, оказывать нуждающимся материальную помощь [1]. Все это, по мнению официальных властей, должно было способствовать формированию положительного имиджа России среди военнопленных-славян. В их сознании она должна была ассоциироваться со второй этнической родиной, доброй собирательницей под своим заботливым крылом всех славянских народов.

В Западной Сибири наиболее активную работу с данной категорией военнопленных проводил созданный в 1914 г. в г. Кургане благотворительный кружок по оказанию помощи пленным-славянам. Кружок возник по инициативе директора местного банка И.А. Еллинека. В фонд кружка сразу стал поступать значительный поток пожертвований от местного населения. На эти средства для пленных славянского происхождения арендовались квартиры, была организована кухня, где готовились и традиционные для славянских народов блюда.

Православное духовенство региона предпринимало меры для религиозно-нравственного «перевоспитания» военнопленных в духе пропаганды общеславянского единства и присоединения желающих к православию.

Доброжелательное отношение к военнопленным местных жителей региона также способствовало формированию положительного имиджа России в среде данной категории вынужденных мигрантов. Страхи многих из этих людей, оказавшихся осенью 1914 г. в Западной Сибири, о том, что здесь их просто перережут, уже вскоре сменились опасениями местных военных и гражданских властей о допустимой границе благожелательного отношения к военнопленным со стороны населения края. Уже в декабре 1914 г. командующий войсками расположенного на территории Западной Сибири Омского военного округа генерал Е.О. Шмит в специальном приказе осудил поведение тех офицеров и чиновников, которые принимали у себя дома военнопленных, угощали их в ресторанах. С молчаливого согласия местного начальства, практически во всех западносибирских городах пленные занялись «культурной самодеятельностью», организуя оркестры, театральные труппы,

футбольные команды и т.д. В регионе проходили и публичные выступления, в частности, оркестров военнопленных.

Еще большие проблемы возникли у властей в связи с направлением многих тысяч военнопленных на сельскохозяйственные работы. В деревне, в силу условий быта и характера труда население не дистанцировалось от них, пытаясь интегрировать в свою среду. Не случайно департамент полиции в мае 1915 г. своим секретным постановлением призывал местные власти не размещать военнопленных по обывательским семьям, а расквартировывать их в особо отведенных домах с сохранением казарменного строя жизни. Но и год спустя после этого постановления от крестьян и военнослужащих региона поступали сообщения о слишком вольной жизни военнопленных, которые свободно гуляли с русской молодежью, пользовались известной долей внимания со стороны женского населения и даже допускались к участию в сельских сходах.

Интересное мнение о причинах такой ситуации высказал один из руководителей Особого комитета помощи военнопленным Е.Г. Шинкевич, который в ходе командировки летом 1915 г. в Омский военный округ изучил положение размещенных здесь военнопленных австро-венгерской армии. Он объяснял доброжелательное и даже гостеприимное отношение к пленным со стороны местных крестьян тем, что «военнопленный австриец-славянин, прикоснувшись к земле, быстро утрачивает былой военный вид и обращается в земледельца». По свидетельству Е.Г. Шинкевича, многие военнопленные, особенно из крестьян, «очарованные земельными богатствами Сибири», думали остаться здесь навсегда, «выписав сюда свои семьи» [2].

Положительный имидж России, в которой военнопленные-славяне чувствовали себя как дома, способствовал формированию у некоторых из них зримых предпосылок для последующей в ней социализации: они обзаводились имуществом, семьей, принимались в сельские общества и т.д. Другие стали записываться в формируемые с 1915 г. в России воинские части для ведения боевых действий против Германии. В эти подразделения входили военнопленные чехи и словаки, готовые биться вместе с русскими братьями против общего врага славянства. Политическая декларация инициаторов создания этих воинских формирований предполагала создание самостоятельного чехословацкого государства во главе со славянским королем, которое проводило бы свою политику в полном единстве со всем славянским миром, прежде всего, с Россией. К декабрю 1917 г. удалось сформировать чехословацкий корпус, который насчитывал около 40 тыс. легионеров.

Таким образом, в период Первой мировой войны русские власти небезуспешно стремились через систему социально-бытовых и пропагандистско-идеологических мероприятий сформировать положительный имидж России как центра общеславянского единства у сотен тысяч австро-венгерских военнопленных славянского происхождения.

Литература

1. Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах. Пг., 1914. С. 1, 4, 5.
2. Отчет члена состоящего при Центральном справочном бюро о военнопленных Особого комитета помощи военнопленным Е.Г. Шинкевича по командировке в Омский военный округ для обследования степени нужды военнопленных австро-венгерской армии. Пг., 1915. С. 17, 40.

М.С. Золотарев

Образ России в США в 1985–1993 гг.

Эпоха М.С. Горбачёва сопровождалась резким изменением отношения американцев к Советскому Союзу. Наша задача заключается в том, чтобы выявить масштабы данного изменения и его причины (факторы, повлиявшие на динамику отношения к СССР в США).

Традиционно лидер государства, как проводник национальной политики, играет определяющую роль в процессе формирования образа страны. Значимо личностное восприятие лидера государства, а также большое значение имеет политика, которую он осуществляет. Личностное восприятие Горбачёва в Соединенных Штатах было чрезвычайно положительным. По данным опросов общественного мнения, проводимым в США фондом Гэллага, более 68% американцев высказали свои симпатии советскому лидеру (рисунок 2).

Причины данного прорыва в области личностных симпатий, по сравнению с предыдущими советскими лидерами, кроются в особенностях личности самого М.С. Горбачёва. Действительно, он был молод, энергичен, обладал быстрой речью, в общем, «советский американец», именно под таким заголовком вышла статья в «Нью-Йорк Таймс» в 1986 г. [1] после очередного визита Горбачёва в США.

Не менее значима и температура межгосударственных отношений, на которую чутко реагировало общественное мнение США. Из рисунка 1 видно, что точки крайне негативного отношения американцев к России приходятся на напряжённые годы межгосударственных отношений США и СССР (1955–1956 гг.; 1967–1968 гг.; 1981 г.). Однако по этому же рисунку видно, что, начиная с 1985 г., тренд негативного отношения к СССР резко снижается, тогда как тренд положительного отношения поднимается вверх и высшей точки достигает в 1987 г.

Рисунок 1. Отношение американцев к Советскому Союзу / России (1942–2004 гг.)

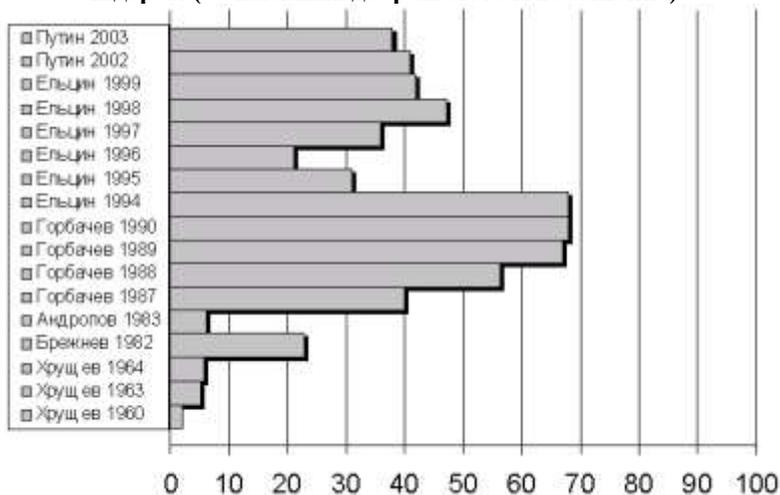
Источник: репрезентативные национальные опросы общественного мнения. Gallup, NORC, OPOR [2].

На наш взгляд, отношение американцев к СССР / России в значительной мере детерминировано политической культурой элиты и массы. Американские социологи Пейдж и Шапиро, учёные чикагского университета, доказали, что общественное мнение по вопросам внешней политики имеет когерентную внутренне согласованную структуру, высокую степень стабильности и рациональности, его изменение происходит не случайным образом, а как предсказуемые причинно-обоснованные реакции на меняющиеся обстоятельства или международные события и сообщения в СМИ [3].

Событий за период 1985–1991 гг. в международных отношениях США и СССР было много. При активном личном участии М.С. Горбачёва были выработаны такие основополагающие советско-американские документы, как Договор по ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности (1987), Договор СНВ-1 (1991), Соглашение о линии разграничения морских пространств (1990), а также целый ряд соглашений о сотрудничестве в торгово-экономической и научно-технической сферах [4]. Нормализации двусторонних отношений способствовали и односторонние инициативы, предпринятые одновременно М.С. Горбачёвым и президентом США Дж. Бушем (старшим) по ограничению тактических ядерных вооружений сторон (1991) [5].

Стоит сказать о концепции большинства двусторонних встреч, которая нашла своё отражение в американской прессе, а именно, как пишет «Вашингтон Пост»: «Горбачёв предлагает перевести мировую политику из поля противостояния и силового давления в поле поисков компромиссных и правовых решений по спорным вопросам, которые неизбежны, он выступает за достижение общественного консенсуса Востока и Запада» [6]. Горбачёв предлагал перейти от принципа сверхвооружённости к принципу разумной достаточности для обороны, он предлагал совершить переход от экономики в вооружении к экономике разоружения через конверсию. Эта позиция советского руководства действительно вызывала наиболее сильные симпатии по отношению к Советскому Союзу в целом. Причины данной тенденции легко объяснить, т.к. процесс перехода от противостояния к диалогу не может не сопровождаться потеплением отношения друг к другу.

Рисунок 2. Отношение американцев к российским / советским лидерам (% имевших доброжелательное мнение)

Источник: Gallup polls [9].

Процесс по разоружению активно освещался в средствах массовой информации США. Вышло много материалов, освещавших договоры о сокращении вооружений СССР и США.

Роберт Кайзер, ведущий обозреватель «Вашингтон Пост», в 1986 г. писал, «что Горбачёв отвернулся от традиционного советского взгляда на неизбежность идеологической борьбы, заменив это верховенством общечеловеческих ценностей» [7]. Роберт Кайзер также писал, что

«Горбачёв звучит так, как будто он баллотируется на пост президента мира» [8].

Опубликованная масса подобного материала не могла не отразиться на изменении общественного мнения о России. Политика Советского Союза вызывала симпатии большинства членов американского общества. Причём нередко симпатии перерастали в восторженное восприятие Советского Союза. Как вспоминает постоянный представитель СССР в ООН (1986–1990 гг.) А.М. Белоногов, «после выступления М.С. Горбачёва на генеральной ассамблее ООН в 1988 г. жители Нью-Йорка очень тепло приняли советского лидера, в их реакции было нечто схожее с тем, как фанаты приветствуют своих кумиров, и так повсеместно, где проезжал Горбачёв...» [10].

Американский журнал «Тайм» в 1989 г. избрал М.С. Горбачёва «человеком десятилетия» [11].

Если говорить об общей тенденции освещения Советского Союза и М.С. Горбачёва в американской прессе периода 1985 – 1990 гг., то можно сделать вывод, что авторы статей видели в советском лидере человека, который осуществляет перевод политики СССР с рельсов противоборства на путь компромиссов и взвешенного баланса интересов. Эпоха Горбачёва, на наш взгляд, является эпохой восторженного и экзальтированного восприятия СССР в США.

Немаловажным является то, что в период с 1985–1990 гг. в США наблюдается небывалый научный интерес к проблемам российской истории. Профессор Уильям Хасбен, специалист по истории России, выступая с докладом 11 октября 2000 г., сказал, что «ситуация с изучением России кардинальным образом изменилась в середине 80-х годов XX столетия. В это время появилась масса историков, которых всё больше стало интересоваться объективное и всестороннее исследование разных сторон русистики, тогда как раньше внимание, в основном, уделялось политической жизни России» [12].

Крен в сторону тенденциозного изучения и освещения российской действительности произошёл во время президентства Р. Рейгана. Необычайный интерес к истории России был вызван «перестройкой» и «гласностью» [13].

В середине 80-х годов XX столетия в США сложилась мощная разветвлённая организационная база исследований Советского Союза. Она была составлена из учреждений различного типа (университетские центры, издательства государственные и негосударственные, аналитические центры, общественные организации и т.п.). Эта база обладала значительным издательским потенциалом и была нацелена на широкую аудиторию [14]. Таким образом, видно, что интерес к Советскому

Союзу был весьма широк и был вызван, прежде всего, «новой» советской политикой.

Справедливости ради следует сказать о целом блоке публикаций в американской прессе, который был посвящен причинам «метаморфозы» советской внешней политики. Так, например, в «Вашингтон Пост», в статье «Сенсация Горбачёва» (май 1988 г.) утверждалось следующее: « за политикой Горбачёва стоит внутренний советский кризис, который носит настолько угрожающий характер, что уйти от него больше нельзя, и Горбачёв стремится своими действиями снизить стоимость международной конфронтации» [15].

В «Нью-Йорк Таймс» вышла статья под заголовком «Смелость, рождённая необходимостью», в которой говорилось о том, что М.С. Горбачёв предпринял попытку повернуть необходимость в достоинство [16]. В статье лейтмотивом проводилась мысль о том, что Советский Союз больше не в состоянии соперничать с Соединенными Штатами, и вынужден отойти от противостояния. Кроме всего прочего, в статье был проведён поверхностный анализ кризисного состояния советской экономики.

Дальше всех пошёл журнал «Ю.С. Нью энд Уорлд Рипорт», назвавший сделанные шаги по сокращению вооружений в СССР драмой и заявивший, что сформулированная доктрина М.С. Горбачёва о идеалистической терминологии единого мира адресована Западу с содержанием между строк: «Наша система провалилась, ваша победила. Мы реформируемся, готовимся к сотрудничеству. Примите нас как партнеров» [17]. Без подобного рода заявлений нельзя было обойтись, учитывая плюрализм мнений в США и «мифологемы холодной войны», но в 1987–89 гг., как отмечают эксперты, это воспринималось, как желание журналистов выдать желаемое за действительное.

Таким образом, мы видим, что в эпоху М.С. Горбачёва происходит резкое изменение образа России в США в положительную сторону. Масштабы данного изменения видны на рисунке 1. Данное изменение обусловлено двумя наиболее весомыми факторами. Во-первых, содержание политики, проводимой М.С. Горбачёвым, вызывало безусловные симпатии американцев. Надо сказать, и сейчас многие из положений внешнеполитической доктрины Горбачёва сохраняют актуальность, что, безусловно, делает честь людям, сумевшим её подготовить и воплотить в жизнь в международных отношениях с Соединенными Штатами. Во-вторых, это личностный фактор, личность президента Советского Союза вызывала симпатии американского общества.

Восприятие России после ухода с политической арены М.С. Горбачёва не могло не измениться, ввиду тех социально-

экономических перемен, которые произошли в России в 1991–1993 гг. В России обострились межнациональные противоречия, власть во многих субъектах Российской Федерации проявляла сепаратистские настроения и требовала всё большей автономии от центра. Уровень коррупции возрос до немыслимых пределов; экономическая ситуация в стране была крайне нестабильной, плюс к этому в России наблюдался ничем не прикрытый разгул преступности на фоне общей криминализации российского общества. Всё это определило отношение американцев к России, как отношение нестабильное и неоднозначное. По большому счёту и эксперты, и аналитики, и рядовые граждане не знали, чего ждать от распада Советского Союза. В прессе и СМИ встречалась масса сценариев дальнейшего развития ситуации, от рациональных до совершенно фантастических.

Литература

1. New York Times. 1986. №19. P. 4.
2. Рукавишников В.О. Отношение американцев к современной России // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 24.
3. Там же. С. 27.
4. Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX вв. М., 2001. С. 155.
5. Там же. С. 155.
6. Washington Post. 1986. May 16. P.3.
7. Washington Post. 1986. October 9. P. 7.
8. Ibid. P.7.
9. Рукавишников В.О. Отношение ... С. 32.
10. Воспоминания А.М. Белоногова о выступлении М. С. Горбачева на генеральной ассамблее ООН в 1988 году // Международная жизнь. 1997. № 6. С. 64.
11. Энциклопедия российско-американских отношений... С. 660.
12. Американский ежегодник. 1999. М., 2001. С. 289.
13. Там же. С. 278.
14. Поворницин Б.И. Русский вопрос глазами американцев. Пермь, 2002. С. 78.
15. Washington Post. 1988. May 23. P. 4.
16. New York Times. 1988. October 19. P. 3.
17. U.S. News & World Report. 1989. № 7. P.12.

В.Н. Козулин Либеральный взгляд на Америку в России начала XX в.

В последние десятилетия наблюдается всплеск интереса к «имагологическим» проблемам, в том числе к проблеме взаимовосприятия народов России и Запада. Проблема взаимовосприятия русских и американ-

цев тоже начала активно исследоваться в отечественной науке в последние годы. Но, несмотря на уже большой существующий задел, в исследовании этой темы еще очень много незаполненных лакун, ждущих своего исследователя. Так, например, ни в одном исследовании, посвященном истории восприятия русскими прошлых веков Америки, нам не встретилось ни слова об очень любопытном источнике самого начала XX в. – «Американских впечатлениях» Ф.Ф. Мартенса, опубликованных в ноябрьском номере «Вестника Европы» за 1902 г. Целью доклада является привлечение внимания к этому источнику по истории восприятия Америки в России и характеристика особенностей восприятия Ф.Ф. Мартенсом Соединенных Штатов и их жителей, американцев.

Как известно, в России издавна существовал взгляд на Америку как на самый сконцентрированный образец западной бездуховности и прагматизма, ненавистных русской культуре. На это обращал внимание еще Александр Пушкин. Но вместе с тем в русском обществе существовал и существует прямо противоположный либеральный взгляд на Америку как положительный идеал торжества принципов демократии, прав человека и т.п.

К сожалению, в наше время в отношении российского общества к Америке весьма популярна консервативно-охранительная тенденция – критика американского общества, резкое противопоставление его русскому. Это не способствует культурному диалогу, а значит, и продуктивному развитию собственной культуры. Ибо наиболее продуктивно развивается и обогащается лишь та культура, которая открыта миру, а не отгораживается от него, и лишь те народы, которые смотрят на другие народы открытыми и доброжелательными глазами, а не как на заведомых врагов. Именно такой открытый и доброжелательный взгляд так называемого «русского европейца» начала XX в. и представляет Федор Федорович Мартенс – известный русский юрист, специалист по международному праву, член международных третейских судов, разбивавших международные конфликты. В США Ф.Ф. Мартенс был приглашен в 1901 г. Йельским университетом для вручения звания почетного доктора права.

Уже в самом начале своей статьи Ф.Ф. Мартенс заявляет о своем полном согласии с фразой английского историка Дж. Брайса о том, что «Америка вызывает восторг». Единственным, что несколько подпортило столь благоприятное в целом впечатление Ф.Ф. Мартенса об Америке, был чересчур строгий и привередливый таможенный досмотр, который, правда, не коснулся самого автора, однако ему показалось унижительным, что американцы бесцеремонно и дотошно досматривают своих сограждан и заставляют их составлять доскональную

декларацию всего приобретенного за границей. Такую необычную для европейца суровость и беспардонность таможенного контроля автор не может оправдать даже американским уважением к закону, и здесь, очевидно, аристократизм автора, жившего в императорской России, берет верх над либерализмом.

Любопытным и ценным моментом во впечатлениях Ф.Ф. Мартенса является его анализ изменения образа Америки и американцев в Европе и России примерно за пятьдесят лет. Таким образом, в его статье, по сути дела, содержится уже элемент имагологического исследования. Русский взгляд Ф.Ф. Мартенс особо не отделяет от европейского, ведь не случайно мы его нарекли «русским европейцем». По мнению Ф.Ф. Мартенса, у русского общества XIX в. складывались в общем сходные и мало отличные от прочих жителей Старого Света представления об Америке.

Описывая то, каким американский народ казался ему в прежние времена (в середине XIX в.), Ф.Ф. Мартенс отмечает, что на формирование тогдашнего образа американца, с одной стороны, большое влияние оказывали романы Купера, заставлявшие восторгаться «отвагой и высокими нравственными подвигами американских пионеров». С другой же стороны, огромное впечатление произвела «картина рабства негров на американских плантациях», нарисованная «удивительным пером Бичер-Стоу». Автор говорит, что он хорошо помнит то, с каким восторгом все русское общество отнеслось к великому президенту Линкольну, борьба которого против рабства как раз совпала с отменой крепостного рабства и другими великими реформами в России, что немало способствовало росту симпатий русских к американцам. Автор с большой теплотой вспоминает посещение им американского броненосца на кронштадтском рейде в 1866 г. и «произведенный американцами фурор, в особенности среди русских дам».

Среди других причин положительного восприятия Америки в годы своей молодости Ф.Ф. Мартенс называет увлечение европейцев в 60-х и 70-х гг. XIX в. американскими порядками, прежде всего американской свободой – гораздо большей, чем она была в то время в Европе. Наиболее ярко эта тенденция была выражена в сочинениях об Америке Алексиса де Токвиля и Эдуарда Лабуле, которыми «зачитывалось молодое поколение тогдашней эпохи». Таким образом, гражданин Соединенных Штатов, по словам Ф.Ф. Мартенса, «сделался синонимом с человеком, пользующимся личной свободой, самостоятельностью и самоуправлением».

Такая популярность американцев в Европе продолжалась, по словам автора, до 80-х гг. XIX в. Увлечение американской культурой сменилось «боязнью за распространение на Европу американского импе-

риализма», прежде всего в экономической сфере, но также и в политической (в связи с новым развитием доктрины Монро). Ф.Ф. Мартенс замечает, что если раньше символического американца в сатирических журналах изображали этаким худощавым и длинноногим «братом Ионафаном» (Джонатаном), то теперь тот же «дядя Сэм» изображается на карикатурах все чаще как «морское чудовище, с лицом знаменитого Пирпонта Моргана, забравшее в свои лапы все торговые флоты европейских народов», или «как гигант Гулливер, около которого копошатся пигмеи – европейские народы, не знающие, как избавиться от поглощающей их американской конкуренции».

Ф.Ф. Мартенс не уверен, «будет ли народ Соединенных Штатов счастливее от той «мировой роли», которую он в последнее время на себя принял». Это, по словам автора, покажет будущее. Но ученый пытается объективно разобраться в том, что «американский империализм» может дать Европе и России в том числе. Он полагает, что у этого объективно надвигающегося уже тогда явления, под названием «американизация всего мира» (термин английского публициста У. Стеда), есть своя положительная сторона. Европейцам есть чему поучиться у американцев.

Во-первых, это знаменитый принцип «E pluribus Unum», состоящий, по словам Ф.Ф. Мартенса, «в уважении разнообразия при соблюдении единства». Второе главное достоинство американской жизни, по его мнению, это веротерпимость, свобода совести и религии. «Если «американизация всего мира», – говорит Ф.Ф. Мартенс, – приведет к беспредельному торжеству американского начала свободы совести и религии во всем мире, то американцы сослужат великую службу делу истинной цивилизации». И, наконец, третье золотое правило, которое следовало бы усвоить европейцам от американцев, это уважение к труду, идеал *self-made man*'а. Кроме этих трех «главнейших жизненных принципов», внесенных американцами в мировую цивилизацию, и многие другие начала «достойны всеобщего распространения посредством американизации». Сюда ученый относит «свободу мысли, слова и печати; равенство между людьми перед законом и судом; простота обращения и доброта отношений... и т.п.».

Конечно, Ф.Ф. Мартенс во многом идеалист, он, подобно многим современным либералам, идеализирует порядки Соединенных Штатов. В развитии и распространении «великих социальных принципов» американской демократии он видит «завидное историческое призвание» Соединенных Штатов. Думается, под этими словами могли бы подписаться и современные российские либералы. Но идеализм не достоин осуждения, наоборот, он бывает перспективен для оптимизации отно-

шений между народами и для диалога культур. Тогда как прагматизм и национализм (даже в самом хорошем смысле этого слова), наоборот, очень часто приводят к международной напряженности и конфликтам.

Разумеется, кроме либерального подхода к Америке, в России всегда существовали и будут существовать и другие подходы, представленные иными спектрами русского общественного мнения. Америка, как и любой символ, не может восприниматься однозначно. Для исследования же темы восприятия Америки в России важно знать различные ее оценки, в том числе и либеральный взгляд на Америку, выраженный Ф.Ф. Мартенсом.

Литература

1. Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. Россия глазами американцев: 1850–1880-е гг. М., 1998.
2. Шестаков В.П. Русское открытие Америки // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 1. М., 1994. С. 74–86.
3. Сергеев Е.Ю. Образ России и русских в общественном мнении США (август 1914 – февраль 1917 г.) // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997.
4. Он же. Образ США в представлениях россиян. (Начало XX в.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 235–246.
5. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992.

Н.И. Кругова

Россия в глазах образованных немцев (конец XVIII – начало XIX вв.)

При постановке проблемы «образ России за рубежом» необходимо иметь в виду пути формирования этого образа, учитывать источники сведений о России, доступность этих источников. В условиях отсутствия средств массовой информации источником формирования образа России могли служить книги, личные контакты, письма и рассказы немцев, побывавших в России. Следовательно, было весьма ограниченным число тех социальных прослоек, которые вообще могли иметь в своем сознании какой-либо образ России. Можно выделить три социальные прослойки, имевшие возможность такой образ создавать – это политики, купечество, деятели науки и культуры, а если расширительно толковать последнюю социальную прослойку – образованные немцы, те, кто имели доступ к такому источнику, как книги. Содержание понятия получается весьма условным, поскольку включает в себя людей различного статуса, профессиональной деятельности, в том числе и политиков.

Исключая обращение к проблеме «Россия в глазах политиков Германии», обратим внимание на то, что даже в представлениях деятелей культуры и науки, казалось бы столь близких по роду своих занятий, отношение к России было достаточно различным. Наука оказалась сферой, способной к более активной позиции в решении своих проблем, в том числе это касается отношения к России. Университеты Германии были частью имиджа каждого немецкого княжества и герцогства. В XVIII в. были основаны такие университеты Германии, как Галльский и Лейпцигский. Создавая университеты, князья в дальнейшем мало проявляли к ним интереса, они были почти брошены на произвол судьбы и сами должны были заботиться о своем дальнейшем развитии. Первым стал устанавливать связи с Россией Галльский университет. Во время европейского путешествия Петра I он посетил Галле именно с целью проработки вопроса об открытии университета, ибо опыт создания университета был еще совершенно свежим. Однако он убедился, что университеты с их автономией несколько противоречат интересам абсолютной монархии, и было решено создавать Императорскую Академию наук, которая будет более зависима от власти. Галльский университет не упустил шанса установления постоянных контактов с Россией, которая сама представлялась безграничным объектом исследования для самых различных наук, а Академия наук предоставляла ученым более надежные и более приемлемые условия работы ученым, нежели мог предоставить молодой и пока неизвестный Галльский университет. Не отстали от Галле и другие университеты – Лейпцигский, благо Лейпциг имел с Россией самые тесные торговые отношения, и старинный Гёттингенский университет. Так получилось, что наука наша создавалась усилиями немецких ученых. Финансирование Императорской Академии наук во много раз превосходило возможности мелких немецких княжеств. Не отсюда ли и те высокие оценки, почти на уровне преклонения, перед русскими царями (Екатериной, конечно, прежде всего), которые так поражают нас сегодня в высказываниях немецких ученых, работавших в Российской Академии наук? Простое осознание того факта, что без государственной поддержки наука существовать не может, и в России она такую поддержку имеет, а в Германии нет.

Грандиозные размеры страны, неизученность азиатской части России влекли в Россию тех, для кого отсутствие карт, бездорожье были обычными условиями работы. Сибирь, Центральная Азия, а затем и Кавказ изучались исследователями, среди которых немецкие фамилии преобладают. Но в таком случае сразу возникает недоуменный вопрос: неужели Россия все еще была в представлениях немецких ученых

страной варварской, дикой, в которой незатронутое цивилизацией население ждет своих исследователей? Чтобы хоть как-то более или менее непредвзято ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к тенденциям развития науки конца XVIII в. Их можно выделить по крайней мере две. Одна, которая казалась ведущей (ибо оказывала заметное влияние на общественное сознание), была тенденцией просветительской, в пределах которой понимание законов развития, решающей роли человека-героя как активного преобразователя, вершителя судеб истории были главным способом трактовки исторического процесса. И другая тенденция, менее воспринимаемая общественным сознанием (и до сих пор недооцениваемая нами) – формирование представлений об истории как о процессе глубинном, творимом не великими личностями только, но народами, создателями традиций, теми, кто непосредственно осваивает природные пространства. Возникновение геологии, минералогии, ботаники, зоологии, этнографии, филологии как наук происходило во второй половине XVIII в. Именно в этот век были созданы первые описания природных условий разных частей Земли – Южной и Северной Америки, Центральной Азии, территорий, прилегающих к Северному Ледовитому океану, Исландии, Шотландии, Индии и Китая. Еще не были описаны языки китайский, русский, арабский, персидский, да и множество других. До возникновения японистики как науки еще более ста лет. Уильям Джонс, английский исследователь Индии, только в конце XVIII в. обнаружил, что в Индии говорят на разных языках. И еще совершенно не были описаны Балканы и Кавказ, а ведь это центр Европы. Изучение народной культуры немецкого, французского народов еще только начиналось.

В данном контексте интерес к России не есть нечто особенное, но выражение общих тенденций развития европейской науки. В XVIII в. В Санкт-Петербургской Академии наук работали: минералог Эрих Лаксманн (жил и работал в Иркутске), профессор естественной истории Сэмюэль Готтлиб Гмелин, естествоиспытатель Бенедикт Франц Герман, шведский минералог Иоганн Готтлиб Фербер, писавший на немецком языке., зоолог и ботаник Петер Симон Паллас. Изучением народов Российской империи занимались Герхард Фридрих Мюллер (более известный у нас как Фёдор Иванович Миллер), Иоганн Готтлиб Георги, создавший четырёхтомное «Описание всех народностей Российской империи», Иоганн Эберхард Фишер, известный более в Европе, чем у нас, первый создатель «Сибирской истории», бывший к тому же ректором Академической гимназии, готовившей первые собственно русские кадры для дальнейшего развития Академии наук. Становилась

ли Россия более понятной Европе? Вряд ли, ведь эта «чистая наука» не могла иметь широкой читательской аудитории.

Более востребованной могла бы оказаться просветительская традиция, всегда каким-то образом «представляющая» страну. Просветительская традиция – философско-историческая, но опирается всегда на историю событийную, выстраивая определенным образом имеющийся в ее распоряжении ряд событий. Между тем никакого варианта событийной истории Россия еще не имела. Здесь, конечно, возникает имя немецкого историка Августа Лютера Шлёцера, по приглашению Мюллера приехавшего в Россию в 1761 г. Он стал собирателем русских древностей, а, ознакомившись с неопубликованным сочинением В.Н. Татищева «История российская с самых древнейших времен», приложил немало усилий к ее публикации (автора уже не было в живых). Работа В.Н. Татищева вышла в свет в 1768 г., когда Шлёцер уже покинул Россию (из-за глубокого и резкого расхождения во взглядах с М.В. Ломоносовым – не столько на историю России, сколько на понимание *предназначения* историописания). А.Л. Шлёцер является одним из первых историков России, но незаслуженно имеет негативный образ в общественном сознании, изменить который вот уже несколько десятилетий безуспешно пытается современная отечественная историческая наука. Вынужденный уехать из России, он оставил собранные им документы по истории России в распоряжении Академии наук. Затем по решению Екатерины они, в совокупности с другими, более современными и отобранными под непосредственным руководством императрицы, были отправлены Вольтеру. Созданная Вольтером «История России при Петре Великом» стала первым трудом, ознакомившим европейцев с историей нашей страны. Так неожиданно российская история обрела свой *просветительский* вариант трактовки, да еще созданный не кем-нибудь, а самым великим из просветителей. Однако оценки, дававшиеся России в этой работе, были таковы, что работа эта никогда не переводилась на русский язык. Материалы Шлёцера практически не были использованы Вольтером (они хранятся в его архиве). Французского философа интересовал царь-реформатор – и с ним только познакомились европейцы.

А.Л. Шлёцер, вернувшись в Германию, в дальнейшем работал профессором Гёттингенского университета, но любовь к русской истории сохранил на всю жизнь. Уже в Германии им был создан фундаментальный труд, классика источниковедения – «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке». Кроме того, он основал и практически сам издавал журнал «Любитель русской истории». Исследователь народной культуры, Шлёцер с любовью и заинтересованностью писал о

русской старине (уникальным знатоком которой он был в конце XVIII в.), о жизни и культуре собственно русского народа. Но какова была популярность этого журнала? Стал ли Шлёцер хотя бы для Германии, не для Европы, проводником знаний о России? Пожалуй, приписать ему эту роль было бы преувеличением.

Интересно проследить своеобразную ситуацию, имевшую место в творческой судьбе И.Г. Гердера. Закончив Кёнигсбергский университет и занимаясь пасторской деятельностью в Риге, Гердер получает приглашение возглавить пасторскую общину в Петербурге. Приняв это предложение, он оговаривает условие: ему необходимо побывать на родине, в Германии, чтобы решить одну медицинскую проблему (нужна была операция на глазу). Откладывая раз за разом свой отъезд в Россию, Гердер так никогда и не приехал в нашу страну. Но ведь собирався! А примечательно вот что. В течение пятнадцати лет (с 1774 г., публикация труда – 1784–1791 гг.) Гердер работал над своим самым знаменитым трудом «Идеи к философии истории человечества», собирая в процессе работы в своей библиотеке *все* известные ему описания *всех* народов. В результате гердеровская библиотека стала уникальнейшим собранием книг по истории и культуре народов мира. Все известные нам описания России так или иначе представлены в труде великого немецкого просветителя. Отдельные замечания, разбросанные и неожиданно появляющиеся в тексте, показывают, что Гердер работал над собственной трактовкой истории России, в которой, в соответствии с его замыслом, каждый народ выступает в истории как один из творцов *гуманности* – главного качества, отличающего человека от животных: «...лишь с культурой родного языка народ может подняться из варварства, а Европа потому так долго оставалась варварской, что чужой язык почти на тысячу лет пленил их органы речи, отнял у народов самые остатки их письменных памятников и на долгое время лишил их отечественного свода законов, своеобразного строя и истории. И только история одного народа зиждется на памятниках родного языка – это история России, но произошло это именно потому, что государство это осталось чуждо Римской иерархии: Владимир не принял папского нунция», – Гердер, как говорится, обронил фразу в главе, посвященной трактовке роли католической церкви в Европе [1]. На других страницах книги также обнаруживается возможное для Гердера сопоставление традиций, истории России с аналогичными сюжетами при описании других народов. Можно говорить о его глубоком знании всех исследований по России – но история России, как таковая, видимо, не давалась Гердеру. В его незавершенном труде есть главы, посвященные истории Вавилона и Египта, грекам и римлянам, Китаю и

Индии, варварским государствам древнегерманских народов, арабским государствам, монголам. В плане заключительного, ненаписанного тома среди глав, которые условно можно назвать конкретно-историческими, последняя глава обозначается следующим образом: «Россия; Остиндия и Вестиндия; Африка; европейская система; отношение Европы к другим частям света». Это можно объяснить только тем, что сведений о России, а особенно о ее истории, стране, поехать в которую он когда-то планировал, у немецкого просветителя оказалось крайне мало.

Получается, что, с одной стороны, многочисленные описания России, созданные в основном усилиями немецких ученых, дают богатый материал – этнографический, лингвистический, но он может быть востребован узким кругом специалистов и не оказывает влияния на формирование общественного сознания, оказывается даже недостаточным для того, чтобы вписать Россию в общую канву всемирной истории. С другой стороны, не очень аргументированная, но громко заявленная концепция варварской России, преобразуемой Петром, а затем, конечно, просвещенной Екатериной. Несомненно, влияние вольтеровской позиции было очень сильным. И.В. Гёте, например, имя Петра в своих разговорах, записи которых сохранены современниками, упоминает так же часто, как имя Наполеона, а кроме Петра не упоминает никого из русских царей. И все же восприятие России не могло ограничиться упрощенной трактовкой. Небезынтересный факт: великой герцогиней, женой правящего герцога Веймарского Карла-Августа была Александра Павловна, дочь русского царя. Для Гёте она была идеальной государыней (нельзя не признать, что те достоинства, о которых упоминает Гёте, действительно вызывают симпатию к герцогине – благотворительность, терпимость, заинтересованность в судьбах подданных и т.д.). Никогда Гёте не упоминает о том, что герцогиня русская по рождению, но при этом она для него не только *великая герцогиня*, но и *ее императорское высочество*. То есть титул более высокий сохраняется за герцогиней – этикет. Политика вообще сфера, внутри которой национальные различия стираются в первую очередь. Более сильный навязывает свой стиль.

Но есть другая сфера, в которой национальные различия приобретают свою, особую окраску – это сфера культуры. Культура, в отличие от науки, использует уже имеющиеся в ее распоряжении данные, но, создавая свои образы, имеет большую свободу в создании этих образов. Стиль мышления образованных немцев был в то время уже таков, что само понятие *варварства* подвергается критике, а уважение к культурам разных народов представляется нормой. «Не достоин уважения народ, который весь окружающий мир считает варварским», – писал молодой Гёте в 1774 г. [2] В позднем творчестве И.В. Гёте на-

ряду со столь популярным понятием *народная культура* появляется понятие *высокая культура*, а наиболее важной и собственно гётевской можно считать идею *мировой культуры*. Мировая культура, по Гёте, возникает уже сейчас, а в будущем ей будет принадлежать высочайшая роль объединителя народов.

Создание мировой литературы не только не будет означать стирания своеобразия национальных культур, но каждая культура внесет свой вклад в культуру мировую. «Поистине всеобщая терпимость будет достигнута лишь тогда, когда мы дадим возможность каждому отдельному человеку или каждому народу сохранить свои особенности, с тем, однако, чтобы он помнил, что отличительной чертой истинных достоинств является их причастность всечеловеческому» [3]. Именно в сфере поэзии возможно выражение гармоничной целостности национального и общечеловеческого начал, здесь не может быть никакого соперничества, лидерства, подражания. «Как я думаю...возникающая школа получит особенное выражение на национальном материале. В старинных историях, преданиях, представлениях, даже предрассудках она встретится с поэзией. У каждой нации свое поэтическое поле; зачем искать цветы на чужом поле, когда они так пышно цветут на родном», – записывает поляк А. Коцмиан разговор с Гёте о развитии польской поэзии, о зарождении романтизма и роли поэзии А.Мицкевича [4].

И.В. Гёте, пользовавшийся мировой известностью, в последние десятилетия своей жизни не мог быть абсолютно свободным в распоряжении своим временем. Десятки людей хотели познакомиться с ним. Конечно, он избирательно относился к удовлетворению таких желаний. Критерии избирательности – высокая образованность, причастность к творчеству. Из русских, приехавших в Веймар, чтобы лично увидеть великого поэта, это намерение было реализовано Василием Андреевичем Жуковским и графом Александром Сергеевичем Строгановым, президентом Академии художеств и директором Публичной библиотеки. Жуковский беседовал с Гёте, конечно, о русской поэзии, о Пушкине. Гёте был очень заинтересован и из рассказа В.А. Жуковского смог оценить значение творчества Пушкина как начало нового этапа в развитии русской поэзии. Он хотел передать с Жуковским некий знак признания, внимания к Пушкину – взял перо, которым только что писал, и передал его поэту. Перо хранится в музее А.С. Пушкина в Петербурге. Со Строгановым Гёте беседовал о музеях, о живописи. Но не о России как стране. Культура страны – вот что его интересовало. Конечно, в частности он хотел видеть большее, но в выводах, оценках был всегда осмот-

рителен, поэтому каких-то обобщающих высказываний по поводу России у Гёте мы не найдем.

Россия была представлена на европейском континенте своим дипломатическим корпусом, своей сильной армией, что доказала война с Наполеоном, но все это еще не делало нашу страну открытой, понятной даже образованным немцам, мыслящим категориями всемирной истории и мировой культуры. Лишь первые свидетельства о внутренней, не лежащей на поверхности жизни в нашей стране проникали в Германию. Они были противоречивы, разнородны. Немцы тяжело вступили в XIX в. – стремительный захват страны Наполеоном, затем еще более поразившее их вступление российских войск в Германию. Россия в глазах немецкого обывателя была, вероятно, страной варварской. Интеллектуальная же элита еще очень мало знала о России, чтобы иметь о ней сколько-нибудь сформировавшиеся суждения, хотя все предпосылки к тому, чтобы знать, и интерес к России, конечно, были налицо.

Литература

1. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.556–557.
2. Goethe J.W. Von deutscher Art und Kunst. Hamburg, 1978. S. 77.
3. Гёте И.В. Об искусстве. М., 1975. С. 536.
4. Goethes Gespräche. Ohne die Gespräche mit Eckermann. Wiesbaden, 1957. S. 614.

Ю.А. Лысенко

Образ России в представлении казахской политической элиты и интеллигенции XVIII-XIX вв.

В начале XVIII в. Российская империя, в ходе освоения Сибири, вышла на центрально-азиатские рубежи – её границы пришли в соприкосновение с кочевьями казахов Младшего и Среднего жузов. Казахские ханства переживали в этот период политический кризис, связанный с распадом единого Казахского ханства и образованием трех самостоятельных ханств, территориально совпавших с хозяйственно-экономическими единицами – жузами. Кроме того, сложной для казахских правителей оказалась и внешнеполитическая ситуация – реальной встала угроза быть поглощенными Джунгарским ханством.

В период казахско-джунгарского противостояния среди казахских правящих кругов не было единства по вопросу дальнейшей судьбы ханств, значительная их часть выступала за заключение с Джунгарией мирного договора на унизительных для казахов условиях [1]. Раздавались голоса в пользу создания антиджунгарского союза с Цинским Китаем. Однако в итоге в 1731 г. было принято решение о заключении военно-политического союза с Россией, и, таким образом, было ини-

цировано начало присоединения казахских кочевий к Российской империи.

Условия российского подданства, выдвинутые ханом Младшего жуза Абулхайром, сводились к строительству крепости на р. Орь (будущий г. Оренбург), которая должна была стать резиденцией хана; присылкой в распоряжение Абулхайра отряда уральских казаков в качестве его личной гвардии; урегулированию пастбищной проблемы между казахами, башкирами, калмыками в Южном Зауралье. Но главным выступало требование обеспечить территориальную целостность и внешнеполитическую безопасность казахским ханствам [2].

Следует подчеркнуть, что, не смотря на юридически оформленное подданство казахами Младшего и Среднего жузов в 30 гг. XVIII в., Россия придерживалась практически до конца столетия политики невмешательства во внутривнутриполитические дела этих ханств. В то же время империя выполняла все обязательства по условиям подданства, в том числе по обеспечению внешнеполитической стабильности в регионе. Так, например, в 1742 г. при посредничестве российской стороны была устранена угроза вторжения в кочевья казахов войск иранского шаха Надира. Для защиты своих рубежей от Джунгарского нашествия и обороны своих новых подданных в 1742 г. Сенат принял меры по укреплению Кольвано-Воскресенской укрепленной линии на Алтае, и в этом же году состоялось дипломатическое посольство К. Миллера в ставку к джунгарского правителю с целью пресечения вторжений последнего в пределы казахских кочевий. Одним из значимых итогов миссии явилось освобождение из джунгарского плена авторитетного и влиятельного султана Среднего жуза Аблая, что значительно укрепило престиж и авторитет России в глазах кочевого населения [3].

В целом, процесс присоединения территорий казахских кочевий растянулся на 130 лет и завершился в середине XIX в. Многие казахские султаны, пользовавшиеся значительной автономией, самостоятельно принимали решения о принятии Российского протектората. Присяге на верность империи предшествовало выдвигание условий подданства, в основе которых лежали требования, установленные ханом Абулхайром ещё в 30-е гг. XVIII века [4].

Таким образом, казахская политическая элита идентифицировала Российскую империю как мощное, экономически развитое государство, которое могло выступать гарантом внешнеполитической стабильности в регионе, защитником интересов правящей элиты, посредником в разрешении локальных межэтнических конфликтов, надежным торгово-экономическим партнером.

В начале XIX в. начинается политическое и экономическое закрепление России на территории казахских ханств. Идеологической основой нового колониального курса явились патерналистические принципы, в основе которых лежали идеи о задачах европейски ориентированного государства вывести своих подданных, занимающих низшую ступень социально-экономического развития, на путь культурного прогресса, установить «рациональный» политический порядок, развитое право и соответствующую им систему хозяйственной деятельности (земледелие и оседлый образ жизни как критерий цивилизованности).

Подобная идеологическая основа Российского колониального курса во многом определила его содержание, методы и средства, которые значительно отличались от методов и средств колонизации, используемых европейскими государствами. В целом, он характеризовался предоставлением значительной свободы действий казахской степной аристократии, несмотря на ликвидацию политической самостоятельности жузов, введением выборных начал и системы местного самоуправления в ходе административно-территориального реформирования в 20–60 гг. XIX, привлечением степной аристократии на службу в колониальный аппарат управления, мощной социальной программой, ориентированной на интеграцию казахского сообщества в общеимперское политико-правовое пространство, предоставлением ему всех прав и свобод граждан империи (право перехода из одного сословия в другое, свобода передвижения по территории империи, право избирать и быть избранным, право иметь недвижимую собственность, право обучаться в любом учебном заведении империи) [5].

Этот во многом либеральный колониальный курс способствовал практически безболезненной интеграции казахского общества в имперское пространство. Казахская политическая элита осознала факт поглощения империей, превращения жузов в её составную часть. Активно шло приспособление к новым условиям, сращивание бывшей правящей аристократии с органами колониальной администрации. Стала престижной государственная служба в местных органах управления, фактом принадлежности к новой номенклатуре являлось получение чинов, грамот, правительственных наград [6] и т.д.

Интеграционные процессы сопровождались трансформацией традиционной социальной структуры казахского общества и становлением национальной интеллигенции, главными представителями которой в XIX в. стали Ч.Ч. Валиханов, И. Алтынсатин, А. Кунанбаев. Огромное влияние на формирование их мировоззрения оказала передовая сибирская областническая мысль в лице Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, а также идеи европейского Просвещения [7].

Выдающийся казахский педагог-просветитель И. Алтынсарин считал российскую систему образования более прогрессивной, чем исламское образование, имевшее в XIX в. широкое распространение в казахские степи. Поэтому он являлся инициатором открытия начальных школ, обучение в которых велось по российским программам, и учащиеся, наряду с родным, изучали русский язык. Казахский поэт-просветитель А. Кунанбаев выступал пламенным пропагандистом передовой русской культуры среди своего народа, стал первым переводчиком на казахский язык произведений И.А. Крылова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова.

Наиболее полно взгляды казахских просветителей были оформлены в целой серии публицистических работ известного востоковеда, фольклориста и путешественника XIX в. Ч. Валиханова [8]. В своих статьях исследователь уповал на цивилизаторскую миссию России, отводил ей роль генератора культурного прогресса в казахском обществе. В этой связи ученый писал: «Без России мы никто, без России – мы Азия...». Ч. Валиханов подчеркивал, что благодаря присоединению к России в Казахстане была устранена угроза захвата Джунгарским, а позднее Среднеазиатскими ханствами, в значительной степени ослаблены разрушительные последствия междоусобных столкновений казахских родов. Он выступал с поддержкой мероприятий правительства в степи, оказывал ему всяческое содействие.

Важнейшим побудительным мотивом, заставившим казахских просветителей пропагандировать присоединение Казахстана к российской империи, явилось признание ими социально-экономической отсталости Казахстана по сравнению с Россией, высокая оценка русской цивилизации, понимание её огромного значения для развития казахского народа, глубокая убежденность в неизбежности победы прогрессивных политических сил российского общества над реакционными. Они воспринимали Россию как государство, являющееся носителем общечеловеческих, гуманных ценностей, способное вывести казахское кочевое общество на путь социального, экономического, культурного прогресса. В конкретно-исторических условиях Казахстана просветители настойчиво призывали казахский народ как можно быстрее освоить передовую русскую науку и культуру и через неё выйти к неисчерпаемым богатствам мировой цивилизации.

Литература

1. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи в XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991; он же. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул. 1998.
2. Там же.

3. Басин В.Я. Россия и Казахские ханства XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971.
4. Полное Собрание законов российской империи. Т. XXXVI. №27642. С. 62. Например, в 1819 г. султан Старшего жуза Сюка с подвластными казахами просил принять его в подданство империи, при условии, что ему колониальная администрация построит на государственные средства дом с мечетью, пришлет в его личное распоряжение казачий гарнизон и т.д.
5. С этой целью была разработана и принята целая серия законов: «Устав о сибирских киргизах 1822 г.», «Устав об оренбургских киргизах 1824 г.», «Временные положения об управлении...» Западно-Сибирским, Оренбургским и Туркестанским генерал-губернаторствами.
6. Например, хан Букеевской орды Джангир был награжден медалью на Андреевской ленте, алмазными знаками ордена Святой Анны первой степени, орденом святой Анны первой степени; руководитель национально-освободительного движения 1837–1847 гг. султан К. Касымов носил мундир генерала российской армии.
7. Сегизбаев О.А. История казахской философии: от первых архаичных представлений древних до философии развитых форм первой половины XIX в. Алматы, 2001.
8. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1985.

О.Ю. Малинова

**Зеркальный лабиринт: «долгий дискурс»
российского западничества / антизападничества
и проблемы формирования национальной идентичности**

Рассуждая о формировании позитивного образа России в современном мире, нельзя не учитывать, что этот процесс имеет *реактивный* и *динамичный* характер: образ Нас всегда конструируется в сопоставлении с Другими, и здесь уместна метафора путешествия по зеркальному лабиринту, в котором образы Нас и Других, многократно преломлялись, оборачиваются новыми ракурсами. Причем выбор ракурса определяется еще и *контекстом*. По-видимому, у России несколько «значимых Других», и в этом списке постоянно происходят перестановки, однако неизменно важное место занимает «Запад».

Хотя образы Нас и Других не остаются неизменными, они отличаются определенной инерцией, которая связана а) с долговременными структурными факторами, которые задают потребность в *со-отнесении* (конкуренция по поводу материальных и/или символических ресурсов, конфликты интересов, властные и иерархические отношения, устойчиво воспроизводящие ситуацию противостояния и др.), б) с инерцией дискурса: мысля Нас и Других, мы оперируем устоявшимися образами

и нарративами, привычно черпая из исторически сложившихся «репертуаров смыслов».

Дискуссии о национальной самобытности России, об отношении ее к Западу, о перспективах модернизации и возможности «особого пути» продолжаются около двух столетий, порождая относительно устойчивый дискурс, структура которого задана противостоянием двух полюсов, рассматривающих Россию как тоже-Европу или не-Европу и соответствующим образом оценивающих перспективы освоения западного опыта и задачи внутренней и внешней политики. Было бы неверно представлять противостояние «западничества» и «антизападничества»⁷ как исключительно российское явление: проблема коллективной самоидентификации по отношению к «прогрессивному» Западу вставала во многих странах «догоняющей модернизации», раскалывая элиту на призывающих к скорейшему освоению передового опыта «западников» и уповающих на национальную самобытность «почвенников». Вариации на те же темы звучат сегодня в постколониальных дискурсах, в спорах «евроскептиков» и «еврооптимистов», в выступлениях антиглобалистов и т.д. Однако в России а) данный тип дискурса воспроизводится беспрецедентно *долго*; б) периодически он приобретает значение одного из *главных идеологических водоразделов*; в) в этом дискурсе явно преобладают *полярно противоположные* образы и оценки. И хотя крайнее западничество, как и крайнее антизападничество, явление сравнительно редкое, каждый из лагерей «заостряет» позиции оппонентов, фиксируя преимущественно негативные смыслы. В результате складывается жесткая бинарная оппозиция, в рамках которой конструируются модели идентичности, основанные на зеркально противоположных образах Нас и Других.

Исторически по крайней мере с XVIII в. «Европа», «Запад» были значимым Другим, по отношению к которому определялась и переопределялась русская идентичность. Вопрос о сохранении национальной «самобытности» в ситуации «догоняющей модернизации» на протяжении большей части XIX в. занимал центральное место в комплексе

---

⁷ Термин «западничество» используется здесь расширительно: он указывает не столько на классическое западничество, т.е. комплекс идей, сложившийся в 1840-х гг. и тесно связанный с определенным общественно-историческим контекстом, сколько на условное направление в отечественной общественно-политической мысли, рассматривающее опыт «Запада» как ориентир для российской модернизации. «Антизападнический» лагерь, в свою очередь, представлен множеством направлений, так или иначе настаивавших на принципиальном несходстве России и Запада и на необходимости своего, особого пути.

проблем, осмысление которых составляло содержание складывавшегося дискурса о нации. Отчасти это было связано с относительной неактуальностью «собственно националистических» вызовов: соперничающие модели идентичности конструировались в уже существующем государстве, которое безусловно полагалось русским. В силу этого, из трех основных националистических лейтмотивов, выделенных Э.Смитом, – национальной автономии, национального единства и национальной идентичности [1] – в России ведущую роль играл последний. Вместе с тем, когда русскому обществу пришлось столкнуться с политическими вызовами со стороны «чужих» национализмов (особенно остро – в связи с польским восстанием 1863 г.), дискурс о европейскости/неевропейскости России существенно повлиял и на восприятие этих вызовов, и на формулировку ответных программ. Наконец, имело место сложное переплетение имперского и националистического дискурсов: большинство русских националистических проектов не предполагали изменения границ России и потому стремились сконструировать русскую идентичность как инклюзивную (в той или иной мере), сопрягая ее с государственной. И здесь «Запад» оказывался наиболее «удобным» Другим.

На наш взгляд, в рамках «долгого» дискурса о «самобытности» России и отношении ее к «Западу» имело место соперничество *разных* интерпретаций «идеи нации», опиравшихся на определенные мировоззренческие установки [2]. Для их описания можно использовать *две идеально-типические модели* – либерально-прогрессистскую и консервативно-традиционалистскую. Эти модели – своего рода «полюса», между которыми располагались и к которым в большей или меньшей степени тяготели представления отдельных участников данного дискурса. Классическое западничество по большинству параметров было близко к либерально-прогрессистской модели, классическое славянофильство – к консервативно-традиционалистской. Было много гибридных и «промежуточных» интерпретаций.

В самом общем виде можно констатировать, что противостояние двух «полюсов», отчетливо оформившееся уже в полемике западников и славянофилов в 1840–1850-х гг., с разной степенью интенсивности воспроизводилось на протяжении большей части XIX. Примечательно, что в конце XIX в. – начале XX в. этот дискурс утратил функцию идеологического водораздела: центральное место в политической повестке заняли другие проблемы, да и в националистических дискурсах более значимыми стали вызовы соперничающих проектов нацистроительства народов империи, нежели отношение к «Западу». Хотя представители различных направлений продолжали апеллировать к «западничеству» и «славянофильству»

как неким смысловым полюсам, это было скорее указанием на традицию, поскольку для современных общественно-политических размежеваний более значимыми были другие проблемы. Однако после Октябрьской революции проблема отношения к Европе/Западу вновь становится определяющей и в большевистских, и в оппозиционных дискурсах («красный патриотизм», тезис о «построении социализма в отдельно взятой стране», скифство, сменовеховство, евразийство и др.). В советском официальном дискурсе оппозиция «западничества» / «антизападничества» оказалась трансформирована, поскольку различия между СССР и Западом принято было описывать как формационные (тем самым историко-культурные аспекты идентичности уходили на второй план). Однако соперничество двух лагерей продолжалось в среде эмиграции, в неофициальных дискурсах в «приватно-публичной сфере», а отчасти – и в официальной публичной сфере. В 1990-х гг. дискуссии открыто возобновились в контексте критики советского режима, а затем – постсоветских реформ.

Соперничество моделей национальной идентичности (разных «нарративов» об идентичности) присуще любому обществу, однако оно может иметь разную динамику. Особенность России – в том, что ни одна из соперничавших моделей не смогла стать *доминирующей*. Напротив, сама оппозиция «полюсов» приобрела устойчивый характер. Хотя нет недостатка в высказываниях, претендующих на позицию «золотой середины», они интерпретируются в логике бинарной оппозиции, как «уступка» той или иной стороне.

В чем причины «живучести» этого дискурса? Почему ни одна из конкурирующих моделей национальной идентичности не смогла стать доминирующей? Одно из возможных объяснений, на наш взгляд, связано с тем, что в условиях «запаздывающей модернизации» оба варианта оказались недостаточно «эффективными». Мобилизационные возможности соперничающих моделей национальной идентичности в немалой степени определяются их «компенсаторными возможностями», т.е. способностью повышать самооценку коллективного субъекта. И в этом смысле шансы либерально-прогрессивистской модели не столь высоки: в 1840-х годах еще можно было говорить о великом европейском будущем России, относя содержание ее миссии на усмотрение «детей и внуков» [3], но с течением времени такого рода аргументы становятся менее убедительными. Впрочем, радикальные версии прогрессизма обладали большими компенсаторными возможностями, нежели либеральные, обрекавшие Россию на роль догоняющего: выдвигая в качестве цели прогресса социальный идеал, который (еще?) не реализован на Западе, они оставляли ей шанс обойти соперника. Однако 70 лет советского «эксперимента» свели и это преимущество на нет.

Консервативно-традиционалистская модель, стремящаяся повысить самооценку нации за счет выстраивания *альтернативной системы координат*, в данном отношении гораздо более привлекательна, и именно этим объясняется многократный ренессанс «русской идеи». Однако консервативный проект сталкивается с другой угрозой – перспективой архаизации. Как это ни парадоксально, его мобилизационные возможности также зависят от успехов модернизации, создающих новые варианты «нашего славного прошлого», новые форпосты, которые можно защищать, увязывая с прежними традициями. Таким образом, в ситуации «запаздывающей модернизации» и эта модель оказывается уязвимой, ибо ее труднее приспособлять к вызовам времени. Отчасти эта проблема решается за счет появления нового «врага» – глобализма, в противостоянии которому усматривается миссия России. Тем самым российское «антизападничество» с его вековыми традициями оказывается в лагере антиглобалистов в роли «патриарха». Хотя рассуждения о «цивилизационной альтернативе западнотрадиционным течениям» и «приоритете нематериальных ценностей, который всегда был присущ русскому обществу», в век компьютеров и глобальных сетей все же пахивают нафталином. Однако еще более трудной проблемой для сторонников «консервативно-почвеннических» моделей сегодня становится поиск подходящей утопии: прошлое слишком разнородно, чтобы на его основе можно было синтезировать органичную традицию.

Вместе с тем, «долгая длительность» этого дискурса, безусловно, объясняется не только особенностями соперничающих моделей национальной идентичности. В частности, в том, что антитеза «западничества» / «антизападничества» приобрела значение чуть ли не главного водораздела российского идеологического спектра, в свое время важную роль сыграли цензурные запреты: в отсутствие возможности публичного обсуждения *политических* проблем, главным полем для столкновения мировоззрений становились проблемы *культурные*. Безусловно, нельзя недооценивать и то, что «масштаб противопоставления» в данном случае задается «объективными» геополитическими факторами. Необходимо учитывать и влияние образов России, сконструированных на Западе [4]: ментальные карты складываются подобно картинке в калейдоскопе, где изображение возникает в результате многократного отражения в системе зеркал.

Есть ли перспектива маргинализации этого «долгого» дискурса? Теоретически можно было бы надеяться на постепенную его трансформацию за счет понижения «уровня обобщения» и концентрации на более конкретных проблемах. Такое изменение фокуса позволило бы

перестраивать устоявшиеся «цепки» представлений, видеть не только то, что отличает Нас от Других, но и то, в чем Мы похожи, а в перспективе – способствовало бы вытеснению моделей идентичности, построенных на бинарных оппозициях, более гибкими конструкциями, допускающими множественную идентичность. Однако этот дискурс обладает большой инерцией.

Наконец, факторы, обусловившие формирование именно *такого* дискурса, во многом сохраняются, да и наблюдаемые сейчас тенденции не внушают большого оптимизма. С одной стороны, как уже отмечалось, участники этого дискурса чутко реагируют на то, как Нас представляют Другие, а образ России на Западе в последние годы меняется не в лучшую сторону. С другой стороны, в силу нынешних тенденций развития российской политической системы (сужение поля публичной политики, идеологическое доминирование «центра» и др.) игры с «цивилизационной» идентичностью по-прежнему остаются значимым фактором структурирования политико-идеологического спектра.

Литература

1. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 343.
2. Представлением о славянофильстве и западничестве как мировоззрениях, опирающихся на разные стили мышления, мы обязаны фундаментальному труду А. Валицкого: Walicki A. The Slavophil Controversy. History of a Conservative Utopia in the Nineteenth-Century Russian Thought. Notre Dame (Ind.), 1989.
3. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 г. // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953-1959. Т.10. С. 21.
4. Нойман И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2005; Malia M. Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, 1999.

Е.В. Романова

Россия-Евразия как целостный этнокультурный субъект (евразийский аспект)

Евразийская цивилизация зарождалась как гетерогенная этническая общность, образуемая из соединения трех хозяйственно-технологических регионов – земледельческого, скотоводческого и промыслового; трех типов образа жизни – оседлого, кочевого и бродячего; в смешении нескольких этнических субстратов, на пересечении влияния нескольких религиозных потоков и т.п. Эти идеи являются уникальной разработкой евразийских мыслителей начала XX века. Среди них мы

бы особо отметили концепции Н.С. Трубецкого, П.П. Сувчинский, П.Н. Савицкого, В.П. Никитина, Вас. Иванова.

Под Евразией, как считали представители евразийства, понимается не механическое единство Европы и Азии, а срединный континент или собственно Евразия, лежащая между Востоком и Западом, чьи границы совпадают в основном с границами Российской Империи. Представляя собой особую часть света, особый континент, Евразия характеризуется ими как некоторое замкнутое, целостное образование и с точки зрения климата, и с точки зрения других географических условий. Ограниченная с севера полосой тундр, на юге она окаймляется горными цепями и пустынями, и лишь в малой степени – океаном и морями. Этим, а также огромными континентальными пространствами, определяются и ее экономические возможности. Для Евразии исключено активное участие в океаническом хозяйстве, характерном для Европы. Зато естественные богатства Евразии и их распределение открывают ей путь к экономическому самодавлению и превращают ее как бы в континент-океан. Единство этого океана-континента отличается весьма своеобразными чертами, которые соответствуют этническому типу евразийца [1].

Важным принципом, характеризующим этнокультурное пространство России-Евразии, является идея **равновесности**, предполагающая сохранение равновесного состояния России-Евразии в определении своих отношений между Западом и Востоком, Европой и Азией. Так как сама этнокультурная система (Россия-Евразия) по своей качественной и в количественной организации больше вбирает в себя восточных, азиатских черт, чем западных, европейских, то по логике, в большей степени по своей геополитической направленности Россия-Евразия должна смотреть на Восток, чем на Запад (не отрицая полностью отношений с Западом). Поэтому евразийцы свое внимание обращали на проблему Восточной направленности России-Евразии, которую рассматривали с разных сторон: и с географической, и с лингвистической и конфессиональной и др.

Россия, по мнению евразийцев, не только посредница в культурном обмене между отдельными азиатскими окраинами. Вернее, она меньше всего посредница. В ней творчески осуществляется синтез восточных и западных культур [2].

На этом фоне не справедливо звучит упрек в односторонности евразийства со стороны А.А. Кизеветтера: «Если мы живем в Евразии – то почему акцентируется только восточный вектор? Сказав, что русская культура сочетает элементы европейской и азиатской культуры, евразийцы свое литературное красноречие посвящают на то, чтобы представить содержание русского культурного развития как борьбу, в

которой Азия должна восторжествовать над Европой. <...>. Не правда ли, оригинальный синтез? Кажется, что евразийцы лишь для некоторой стилистической инкрустации упоминают вскользь о сочетании европейских и азиатских начал» [3]. Другой современник евразийства В.В. Зеньковский так же ошибочно утверждает: «Обращение к Востоку вытекает из того, что евразийство рвет все связи с Западом» [4]. Скорее всего, это упрек в сторону Н.С. Трубецкого. У П.Н. Савицкого взгляды были не столь радикальны: «...не уход от Востока, а утверждение, что связи с Азией не менее существенны в русской истории, чем связи с Европой» [5].

На Международном съезде историков в 1933 г. П.Н. Савицкий высказал мысль, актуальную для современной России: «Связи с Азией не менее существенны в русской истории, чем связи с Европой». Он считал необходимым пересмотр русских внешних сношений в духе большего «выпячивания роли Востока» [6]. Подобную мысль высказывал и наименее политизированный из «ведущей тройки» (боявшийся политики, по его собственному признанию) – Н.С. Трубецкой: «Отныне интересы России неразрывно связаны с интересами Турции, Персии, Афганистана, Индии, быть может, Китая и других стран Азии. «Азиатская ориентация» становится единственно возможной для настоящего русского националиста» [7]. Это все перекликается с мыслями позднего Достоевского, столь чтимого евразийцами, что спасение России не в подражании Европе, а в возвращении к своим восточным корням.

Из письма П.П. Сувчинского П.Н. Савицкому становятся понятными роль и значение Востока для России-Евразии: «Нарождается какой-то новый культурный тип русского человека; происходит какое-то перерождение среднего русского человека; этот новый тип – скорее степного, восточного характера. Вследствие весьма сложных внутренних процессов, передвижений людских масс, всеобщей элементаризации, Россия стала восточной страной, передвинулась, так сказать, на Восток» [8].

Другой евразиец, В.П. Никитин писал о том, что «Восток вошел в нас неотъемлемым элементом, одним из основных слагаемых нашего духовного типа» [9].

Евразийцы понимали, что по природе социальное устройство и жизнеустройство народов Евразии ближе к народам Восточных стран. Перенесение и заимствования институтов западной цивилизации принесет только разрушение цивилизационным основам евразийского «месторазвития». В.И. Иванов писал В.П. Никитину: «Как пойдет история на Востоке, я не знаю; но можно быть твердо уверенным, что та досадная сторона европейской цивилизации – ее дешевка, ее общедоступность, ее неверность

(К. Леонтьев!) будут изжиты именно культурой с Востока, которой при-
сущи какие-то библейские в их простоте формы жизни. Либерально эга-
литарный процесс Европы теперь стукнулся лбом о неравенство фак-
тическое людей; это открытие для Европы. А это разве не свидетельст-
вуют древние азиатские касты и т.д. Поэтому нельзя рассматривать Па-
назиатизм как негативное явление европейского порядка. <...> Сове-
ренный Паназиатизм – это обратная волна той культуры, которая, по-
вернувшись к Атлантике в начале нашей примерно эры, летит впредь
обратно, завершая культурный круг...» [10].

Таким образом, в евразийстве сложилось две линии в отношении
Востока и Запада:

1) «Россия с азиатскими сестрами против Европы» (Н.С. Трубецкой)
Такой взгляд – есть продолжение тезиса двуполушарности современного
человечества, делающего акцент на дихотомию «Запад – Восток».

2) Другие евразийцы (П.Н. Савицкий, П.М. Бицилли) скорее обра-
щались с призывом к диалогу Востока и Запада. «Концепции истории
Старого Света как истории дуэли Запада и Востока может быть проти-
вопоставлена концепция взаимодействия центра и окраин как менее
постоянного исторического факта... Подобно политической истории
культурная история «Запада» не может быть оторвана от культурной
истории «Востока» [11].

Однако если обратиться к современной геополитической ситуации,
то необходимо учитывать вызовы России-Евразии не только со сто-
роны Запада, но и с Востока, как утверждает А.С. Панарин [12]. Рос-
сия–Евразия встает перед проблемами, связанными с вызовом со сто-
роны мусульманского Востока, притяжение которого оборачивается
центробежными тенденциями не только в регионах Средней Азии и
Закавказья, но и образует так называемую «дугу нестабильности», ох-
ватывающую своим северо-восточным концом все наше Поволжье,
часть Приуралья и Сибири.

Эти проблемы, затронутые А.С. Панариным, обсуждались и в ев-
разийской мысли 20-х годов XX в. При их анализе были выдвинуты
два альтернативных решения. Евразийцы полагали, что решение про-
блем «внутреннего Востока» лежит на том же пути, на каком возможно
единственно кардинальное решение вопроса о русской цивилизацион-
ной самобытности. Надо отказаться от наследия петербургского пе-
риода русской истории как искусственного и вернуться к допетров-
скому архетипу. Это возвращение будет вместе с тем и обретением
утраченного единства восточнославянского и туранского элементов,
лежащего в основе российской государственности. Как писал П. Тру-
бецкой, «по целому ряду вопросов русская народная культура примы-

кает именно к востоку, так что граница «востока» и «запада» иной раз проходит именно между русскими и славянами, а иногда южные славяне сходятся с русскими не потому, что те и другие славяне, а потому, что те и другие испытали сильное тюркское влияние» [13].

Особенность евразийского мира заключается именно в его самобытной срединности, не укладывающейся ни в европейскую, ни в азиатскую формулу, Россия – не Восток и не Запад, а именно самобытный евразийский мир, призванный их объединить. Современный евразиец А.Н. Зелинский справедливо подчеркивает этот момент следующим образом: «Если материк Евразия европейские теоретики-геополитики именуют «Хартлендом Экумены» («Сердцевиной Земли»), то Россию евразийцы называли «Хартлендом Евразийского материка». Географическое пространство между Западом и Востоком, которое занимала и занимает Россия, – становой хребет Евразии. Тысячелетиями через евразийские равнины с Запада на Восток и с Востока на Запад текли племена и народы, рождались и гибли кочевые империи, осуществлялась непрерывающаяся связь между традиционным ареалом Средиземноморско-атлантической цивилизации и восточным Тихоокеанским и геокультурным регионом» [14]. Срединная Россия, выступая, таким образом, континентом внутри континента, определила срединный характер евразийской историософии, ее приверженность к идее третьего пути, пролежавшего между всеми известными полюсами национальной идеологии: западной и восточной, белой и красной, правой и левой, социалистической и демократической. При этом культура, считавшаяся одним из основных факторов, которые обуславливают своеобразие страны или континента, как считали евразийцы, должна развиваться спонтанно и «органически», согласно законам номогенеза.

Литература

1. Савицкий П.Н. Евразийско-русский культурный тип // Савицкий П.Н. Континент-Евразия. М., 1997. С. 41–42.
2. Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории старого света // На путях. Берлин, 1922. С. 335.
3. Кизеветтер А.А. Евразийство // Мир России-Евразии: Антология. М., 1995. С. 318.
4. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 83.
5. Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории // Савицкий П.Н. Континент-Евразия. М., 1997. С. 126.
6. На международном съезде историков в Варшаве. 1933 г. (из резюме доклада) // ЦГАОР. Ф. П.Н.Савицкого 5783. Оп. 1. Ед. хр. 28.
7. Трубецкой Н.С. Русская проблема // На путях. Книга II. Берлин, 1922. С. 306.

8. Письмо П.П. Сувчинского П.Н. Савицкому от 1 августа 1924 г. // ЦГАОР. Ф. П.Н. Савицкого 5783. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 90–91.
9. Никитин В.П. Мы и Восток (Статья не датирована) // ЦГАОР. Ф. П.Н. Савицкого 578. Оп. 1. Ед. хр. 368. Л. 2.
10. Письмо В. Иванова В.П. Никитину // Евразийская хроника. Вып. 6. Париж, 1926. С 6–12.
11. Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории старого света // На путях. Берлин, 1922. С. 320.
12. Панарин А.С. Россия в Евразии: вызовы и ответы // ВМУ. Социально-политические исследования. 1994. № 5. С. 27.
13. Цит. по: Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 310.
14. Зелинский А.Н. «Рыцарь культуры» – Ю.Н. Рерих // Звериный стиль кочевников северного Тибета. М., 1992. С. 10–11.

А.Ю. Сунгуров

Конфликт в Чечне и имидж России

1. Суверенитет и права человека

Формирование образа России в мировом сообществе связано как с влиянием предшествующей истории отношений «Россия – мир» (формирование «колеи» предубеждений), так и с современными действиями политических акторов.

Роль современных событий можно лучше понять, если учитывать постепенный распад Вестфальской системы с ведущим значением суверенитета страны и постепенное снижение барьера между «внутренней» и «внешней» политикой. Уже создание ООН и принятие Всемирной декларации прав человека стали важным шагом на пути признания концепции прав человека, подразумевающей обязанность любого государства соблюдать эти права, а также возможность и даже обязанность мирового сообщества вмешиваться в случаях их грубого несоблюдения.

В СССР этот тезис не получил должного развития, наоборот, правозащитники, разделявшие позицию мирового сообщества, объявлялись врагами народа и предателями, отправлялись в тюрьмы и психиатрические лечебницы. И хотя Конституция Российской Федерации провозглашает приоритет прав человека, и Россия стала членом Совета Европы, в реальной жизни далеко не все представители власти, а также жители страны в целом осознают право других стран критиковать нарушения прав человека в России, и воспринимают эту критику как нарушение принципа суверенитета [1].

Кроме того, акторами современной мировой политики становятся сейчас уже не только сами государства, но и неправительственные ор-

ганизации, как международные, так и национальные. А с признанием права граждан страны жаловаться в Европейский суд по правам человека такими акторами становятся, по сути, и отдельные ее жители. Это обстоятельство также недооценивается многими представителями власти, которые, находясь в плену старых стереотипов, рассматривают действия своих граждан, публично критикующих те или иные действия своей страны, как форму подрыва ее авторитета. Последствиями такой позиции часто являются попытки репрессий по отношению к современным российским правозащитникам, что еще сильнее снижает образ России в глазах международного сообщества. С другой стороны, попадая под жесткий прессинг некоторых государственных структур, и сами правозащитники иногда уже не видят положительных тенденций, транслируя своим партнерам на Западе преимущественно негативную информацию.

Целью данного сообщения является рассмотрение конкретного случая – влияния военного конфликта в Чеченской республике на имидж Российской Федерации.

2. Чеченский конфликт: краткая хронология событий

Этап 1. 1990–1994 гг.: Финальная фаза перестройки и распад СССР. В стране начинается «Парад суверенитетов». В Чеченской республике Президентом избран генерал Дудаев, провозглашается ее суверенитет.

Этап 2. Первая Чеченская война (декабрь 1994 – август 1996 г.). В декабре 1994 г. Президентом России вместе с руководством силовых ведомств принимается решение об использовании вооруженных сил с целью «восстановления конституционного порядка на территории Чеченской республики». Правозащитники протестуют и едут в Грозный. Боевые действия приобретают затяжной характер, боевики контролируют горные районы республики. В августе 1996 г. заключены соглашения в Хасавюрте.

Этап 3. Чеченская Республика Ичкерия. (сентябрь 1996 – август 1999 г.). Осенью 1996 г. президентом был избран Аслан Масхадов, однако реальной власти он так и не получил. Появился новый бизнес – похищение людей. Летом 1999 г. руководство Республики Ичкерии поддержало поход на Дагестан, чтобы поднять и там «зеленое знамя пророка».

Этап 4. Вторая Чеченская война (сентябрь 1999 – март 2003 г.). Начавшись как отражение агрессивного похода чеченского отряда на Дагестан, наступление федеральных войск продолжалось вплоть до взятия Грозного. Новая военная кампания получила название «Анти-террористическая операция». С июня 2000 г. главой пророссийской

администрации в Чечне был назначен бывший Муфтий Ахмат Кадыров.

Этап 5. Трудный путь к миру (март 2003 г. – настоящее время). В октябре 2003 г. Ахмат Кадыров был избран президентом республики, 9 мая 2004 г. – погиб при взрыве. Многие боевики спустились с гор «под честное слово» Рамзана Кадырова. Начиная с середины 2006 г. в Грозном идут масштабные восстановительные работы, в республике работают многочисленные НКО, издаются газеты различной направленности. Одновременно усиливается культ личности старшего и младшего Кадыровых.

3. Освещение событий: позиции сторон и точки зрения

Этап 1. События в Чеченской республике остаются на периферии внимания российских и, тем более, зарубежных СМИ.

Этап 2. Ситуация резко изменилась после начала боевых действий. Происходит резкий разрыв с президентом многих известных правозащитников, авторитет которых очень высок в мировом сообществе. В 1995–1996 гг. не только зарубежные, но и российские журналисты гораздо легче получали информацию от чеченской стороны конфликта, чем от российской. Федеральные власти стремились всячески воспрепятствовать репортерам. В результате конфликт в Чечне получил в России название «первой российской телевизионной войны». Как пишут аналитики, первая чеченская кампания была проиграна Россией, прежде всего в информационном плане [2].

В СМИ других государств чаще всего звучала критика силовых действий России. Эта критика велась по двум направлениям. Прежде всего, действия Российского руководства рассматривались как противоречащие праву чеченского народа на самоопределение, как возрождающие имперские российские традиции. Эта критика отражала позицию в основном общественных организаций и отдельных политиков. С другой стороны, критиковались методы ведения «операции по восстановлению конституционного порядка», приносящие угрозу жизни и безопасности мирных жителей Чечни (аналогично критике действий турецких властей по отношению к курдским повстанцам). В целом можно сказать, что критический характер освещения событий в Чечне был близок как в иностранных СМИ, так и в большинстве неправительственных российских (НТВ и другие).

Этап 3. Снова – практический вакуум информации, особенно в иностранных СМИ о событиях в Ичкерии, включая и введение шариа, и публичные казни, и похищения людей.

Этап 4. Ситуация резко изменилась, как только начался поход отряда Ш. Басаева на Дагестан и затем ответная операция российских

войск. Но здесь уже российские власти продемонстрировали, что извлекли надлежащие уроки из поражения в информационной войне в ходе предыдущей операции в Чечне. Бывший советник Президента РФ, этнограф и политолог Э. Паин писал о том, что «примером продуманности информационного прикрытия войны может служить последовательная и незаметная смена декораций о целях военных действий. В августе 1999 г. это было отражение чеченской агрессии в Дагестане, что нашло поддержку всего российского общества... и лишь 1 января 2000 г. В.Путин заявил, что война идет за сохранение целостности России [3].

Резко критическим было освещение «контртеррористической операции», как теперь официально назывались военные действия в Чечне в зарубежных СМИ, а также оценка международной общественностью. Здесь, по сути, продолжалась та же прочеченская позиция, которая сформировалась еще раньше, однако осуждение действий России было выражено значительно сильнее. Так, в США в 1999 г. был создан Американский комитет за мир в Чечне, в который вошли многие влиятельные американские политики и эксперты, включая Збигнева Бжезинского, Александра Хейга, Каспара Уайнбергера и других [4]. Резкая критика действий России использовалась в США также и как аргумент в предвыборной агитации против президента-демократа Б. Клинтона, при этом в некоторых статьях именно Россия представлялась как террористическое государство [5]. Не менее резкая критика звучала и в странах Европейского союза, при этом предлагалось даже использовать такие меры, как приостановление полномочий российской делегации в ПАСЕ, и даже начать процедуру исключения России из Совета Европы. Интересно отметить, что такие действия оценивались известными российскими правозащитниками как правильные меры

Террористическая атака в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. внесла значительные коррективы в освещение событий в Чечне, прежде всего в американских СМИ. Как оказалось, российская армия и государство уже в течение полутора лет не «подавляли волю гордого чеченского народа на независимость», а вели войну с международным терроризмом, с которым американцам пришлось столкнуться только теперь [6].

Этап 5. Процесс вхождения Чеченской республики в мирную жизнь, который стал особенно заметен для непредубежденных наблюдателей примерно с середины 2006 г., когда начались обширные восстановительные работы в Грозном и существенно снизилась частота похищения людей, а многие боевики вернулись к мирной жизни «под честное слово Рамзана Кадырова», до недавнего времени был достаточно слабо отражен как в западных, так и в российских СМИ. Здесь,

по видимому сыграла свою роль определенная инерция в освещении событий в Чечне, своего рода «колея негативизма».

Литература

1. Подробнее см.: Сунгуров А. Миропорядок в XXI веке: суверенитет государства и защита прав человека // Миропорядок после Балканского кризиса. Новые реальности меняющегося мира. М., 2000. С. 82–93. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=301>.
2. Освещение локального конфликта в Чечне как проявление информационной войны в российских СМИ. Глава 9 // Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания / Научный редактор А.А. Стриженко. Барнаул, 2003; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text5/86.htm>.
3. Паин Э. Косовский и Чеченский конфликты: нереализованные уроки // Миропорядок... С.176–196.
4. The American Committee for Peace in the Caucasus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.peaceinthecaucasus.org.
5. Тотров Р.Р. Американская пресса и вторая чеченская война. Права человека и геополитика. Август 1999 – апрель 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.darial-online.ru/index.shtml>.
6. Тумсоев М. // Prague Watchdog. 2002. 2 августа.

М.А. Широкова

Образ России и образ Запада в философии ранних славянофилов

«Как символ, славянофильство вечно, ибо оно есть символическое выражение русского самосознания», – писал Павел Флоренский. Эти же словами предваряет свой разбор философии А.С. Хомякова современный исследователь С.С. Хоружий [1]. Действительно, такую характеристику славянофильства нельзя считать преувеличением. С момента своего появления, славянофильство всегда и в первую очередь занималось именно этим: выражением русского самосознания, выработкой «русского воззрения» (К.С. Аксаков), благодаря которому русский народ займет, наконец, достойное место в общечеловеческой духовной жизни.

«Славянофилы и западники, чьи споры стали основой всей идейной истории России XIX столетия, – пишет Хоружий, – суть две симметричные идеологические позиции, равно пребывающие в плену стереотипов бинарного мышления. Точней, они дали новый толчок этому мышлению, создав два упрощенных идеологических конструкта, «образ России» и «образ Запада»: Россия – патриархальный традиционалистский мир, живой, но а-историчный, статичный, обращенный к ценностям

прошлого; Запад – мир динамики, развития, совершенствования, устремленный к будущему и безжалостный к настоящему. Эти конструкты – общее изделие враждовавших сторон. Тут они расходились скорей в деталях; а все острия полемики касались лишь оценок и выводов. Сообща выстроив бинарную оппозицию, оба движения заняли места на ее противоположных полюсах: славянофилы восхваляли конструкт «Россия», обличая конструкт «Запад»; западники же делали обратное».

Можно было бы поспорить с цитируемым автором касательно «а-историчности» славянофильского образа России, но эта проблема является темой для отдельного исследования. А в данном случае согласимся, что вся славянофильская философия имела явную идеологическую направленность, которая с особой силой выразилась в антитезе «Россия – Запад». Размежевание этих двух миров производится основоположниками славянофильства не по этническому или территориальному признаку (хотя и эти признаки имеют определенное значение), а, прежде всего, в зависимости от господствующей веры. Восточные и западные вероисповедания находят свое оформление в совершенно различных цивилизационных типах.

В работах А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина настойчиво проводилась мысль о принципиальном превосходстве «восточных» (православно-славянских или – еще точнее – русских) начал перед «западными». Но стоит подчеркнуть: речь идет о принципиальном, а не о конкретно-историческом содержании этих начал и, значит, о теоретически возможном, а не об уже достигнутом превосходстве России над Западом. По воспоминаниям А. Григорьева, Хомяков «говорил часто, что Англия – лучшее из *существующих* государств, а Россия – лучшее из *возможных*, но вслед за тем со злою и грустною ирониею прибавлял всегда, что, может быть, она так и останется лучшим из *возможных*» [2]. Поэтому распространенное в литературе утверждение о том, что у славянофилов «возникло противопоставление *реальной* Западной Европы, где недостатки выдвигались на первый план, и *идеальной* России» [3], хотелось бы уточнить. Идеальной, по мысли славянофилов, Россия была «в стремлении», «в возможности», тогда как Запад, как они считали, такими возможностями уже не обладал.

Славянофилы осмысливали европейскую и русскую цивилизации и культуры, используя термин «просвещение». Особенно много занимался этой темой И.В. Киреевский. В одной из своих ранних статей под названием «Девятнадцатый век» он определил «просвещение» не как «отдельное развитие нашей особенности», но как «участие в общей жизни просвещенного мира» [4].

Основная идея Киреевского состояла в следующем: Россия принципиально отличается от Европы, так как отличны их вероисповедания, хотя исток у них и общий. Начала западного просвещения исчерпали себя, и теперь главную роль в просвещении человечества должна играть Россия.

Обоснованию этой идеи целиком посвящена статья Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России», написанная в 1852 г. В ней автор заявляет, что от того, как разрешится вопрос об отношении русского просвещения к западному, «зависит... направление всей нашей умственной деятельности, и смысл нашей частной жизни, и характер общежительных отношений» [4].

Киреевский отмечает, что отсутствие веры и торжество «самовластвующего рассудка» привело западного человека к безосновательной уверенности в том, что он «собственным отвлеченным умом сможет сейчас же создать себе новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на преобразованной им земле» [4]. Эта уверенность породила «страшные, кровавые опыты рационализма» – политические революции. Все они не принесли ожидаемых результатов. Но даже «целая вечность неудачных попыток» не могла бы поколебать самоуверенности рационализма, если бы сам отвлеченный разум не осознал, насколько ограничены его возможности.

Наконец, западный человек, вследствие развития разума утративший веру во все свои прежние убеждения, утратил и последнюю веру – веру во всемогущество разума. Теперь для него осталось только одно, к чему он продолжал относиться серьезно – это экономика, «промышленность». «Промышленность управляет миром без веры и поэзии, – констатирует И.В. Киреевский. – Она – действительное божество, в которое верят нелицемерно и которому повинуются» [4].

Мысль об омертвлении духовной жизни в Западной Европе является ключевой для философского творчества славянофилов. Так, в 1847 г. ее высказал А.С. Хомяков в статье «По поводу Гумбольдта»: «Отжили не формы, но начала духовные, не условия общества, но вера, в которой жили общества и люди, составляющие общество. Внутреннее омертвление людей высказывается судорожными движениями общественных организмов, ибо человек – создание благородное: он не может, не должен жить без веры» [5]. Здесь заключена основополагающая для славянофильства мысль: вакуум, созданный отсутствием веры, неизбежно заполняет политика – «судорожные движения общественных организмов».

Преобладание экономической и политической сфер жизни общества над духовной сферой означает, что Европа ничего больше не смо-

жет дать миру в смысле развития духовной культуры. «Европа высказалась вполне», – пишет И.В. Киреевский.

Иное дело – Россия, в которой христианская религия сохранила свою первоизданную чистоту. «Духовным сердцем России» стали церкви и монастыри, «рассадники христианского устройства», в которых хранились все условия будущего самобытного русского просвещения – просвещения «не блестящего, но глубокого», «не роскошного, не материального, имеющего целью удобства наружной жизни, но внутреннего, духовного». Такое просвещение слито воедино с «устройством общественным, без самовластья и рабства, без благородных и подлых» [4], иначе говоря, с устройством, основанным на принципах правового и социального равенства.

Развитие русского самобытного просвещения, как считали славянофилы, было искусственно прервано реформами Петра I. Но его начала не были утрачены, они сохранились в глубине «духа народного» и в писаниях святых отцов византийской и русской церкви.

Славянофилы признавали возможность и необходимость использования политики как средства ускорения естественно-исторического процесса и достижение идеального, соборного общества. Оно сможет существовать только в государстве, основанном на принципах христианской нравственности. Такое государство должно быть создано не с помощью революции или переворота, но с помощью долгого и постепенного «воспитания общества», внушения ему «науки общественного быта», сочетающей в себе религиозные, социальные и политические идеалы.

Нельзя, конечно, не видеть утопичности, наивности славянофильского проекта. Но сошлемся вновь на слова С.С. Хоружего: «Традиция, рисуемая славянофилами – и уж тем паче ее восстановление – могли быть утопией; но их идейные разработки были реальным творчеством. Логикой вещей, именно традиционалисты-славянофилы, а не прогрессисты-западники оказывались призванными к новой постановке философских, религиозных, историософских проблем, к созданию моделей и парадигм российского исторического и духовного процесса. В этом и коренится их особая роль в развитии русского самосознания, прочно признанная сегодня и русской, и западной наукой» [6].

Литература

1. Хоружий С.С. Современные проблемы православного мирозерцания. М., 2002. С. 2.
2. Григорьев А. Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина // Григорьев А. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1876. С. 485.
3. Егоров Б.Ф. А.С. Хомяков – литературный критик и публицист // Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. С. 18.

4. Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984. С. 76.
5. Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. С. 199.
6. Хоружий С.С. Современные проблемы ... С. 4.

Секция 2. Факторы, влияющие на формирование и восприятие образа России в современном мире

С.И. Голубцов, Д.В. Николаенко

Эпидемическая ситуация по ВИЧ/СПИД в Российской Федерации как фактор, влияющий на международный имидж государства

Вероятно, у государства никогда не бывает ситуации, при которой нет определенных угроз. Prestиж государства зависит, скорее, не от самих угроз, а от того, как оно реагирует на них. В том числе, реагирует и на относительно новые угрозы. В какой мере государство способно определить значимость новинок, на фоне привычного противостояния в мире? Новой угрозой является эпидемия ВИЧ/СПИД. Ранее противостояние государств в мире было на уровне людей, идеологий. В данном случае имеет место противостояние на уровне природы и биологического вида *Homo sapiens*. Для понимания новой эпидемической ситуации и особенностей ее влияния на различные государства мира исключительно важно определение того, что ВИЧ инфекция распространяется в высшей степени неравномерно. При этом, неблагоприятная эпидемическая ситуация в одном из регионов мира может иметь самое непосредственное отношение и к остальным. Вполне не случайно, что данной эпидемией занимаются международные организации.

Восприятие России в мире связано, помимо всего прочего, и с состоянием здоровья ее населения. В отношении соматических заболеваний, которые носят возрастной характер или связаны с загрязнением окружающей среды, а также ее негативным влиянием на человека, состояние здоровья российского населения есть дело внутреннее. Оно малоинтересно экспертам и рядовым гражданам за пределами российского государства. Можно удивляться поразительно высокой смертности, высокой заболеваемости мужчин в России, но это мало что меняет в ее международном восприятии. Такого рода социально-медицинские проблемы обычно остаются в пределах государства. В отношении социально опасных инфекционных заболеваний и, тем более, такого, как ВИЧ/СПИД, уровень инфицированности российского населения уже не есть дело только внутреннее. Эпидемический процесс находится вне контроля. Он носит природный характер и до сих пор очень мало примеров стабилизации эпидемической ситуации или ее улучшения. По этой причине эпидемическая ситуация в России становится явлени-